

Ноосфера

Μαργαρίτα Κρούση

Мара Кроу Ноосфера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70386292

SelfPub; 2024

Аннотация

Алекс – неуверенный в себе и ни на что не годный. Он всегда хотел стать писателем, но вдохновение его посещает редко, так что несколько рассказов – все, чем он может похвастаться. Ему приходится писать тексты на заказ, чтобы хоть как-то заработать, а мечта стать писателем так и остается несбыточной. Все меняется, когда его приглашают поучаствовать в исследовании в лаборатории сновидений, предлагая заманчивую возможность открыть доступ к ноосфере – сфере разума, где существуют все ненаписанные истории. В том числе и его роман-антиутопия, за продолжение которого он не мог взяться долгое время. Получить доступ к вдохновению, спать и получать за это деньги – выглядит как работа мечты, не правда ли?

Содержание

Часть 1. Предложение	4
Часть 2. Идеальный кандидат	8
Часть 3. Больше никогда бы с ней не работал	20
Часть 4. Пустота и форма	27
Часть 5. Недостаточно	33
Часть 7. Долг	41
Часть 8. Контроль	47
Часть 9. Время	50
Часть 10. Инакомыслие	58
Часть 11. Оппозиция	64
Часть 12. Цвет надежды	72
Часть 13. Горечь победы	76
Часть 14. В жизни	83
Часть 15. Блинчики	86
Часть 16. Тошнота	90
Часть 17. Новое начало	95
Часть 18. Неформат	99
Часть 19. На «ты»	105
Часть 20. Налаживается	107
Часть 21. В жизни тоже бывают...	109
Часть 22. Эпилог	112

Мара Кроу

Ноосфера

Часть 1. Предложение

Размеренное клацанье клавиатуры да шум вентилятора – вот и все звуки, которыми была наполнена комната. Даже музыка сегодня звучала раздражающе. Он уже перенес в другую комнату настенные часы, которые нервировали своим тиканьем (да как же можно сосредоточиться при этом отвратительном звуке!?), спровадил кота за дверь, закрыл окно, чтобы не слышать детский смех. Без толку.

Алекс нервно выдохнул и откинулся на спинку стула. Почувствовал спиной кучу вещей, что нашли свое место на спинке. Кружка с остывшим кофе рядом с мышкой – надо налить новый. Фантики от конфет – мешают, надо выбросить. Баночка с витаминами – не забыть выпить во время еды. И поесть бы уже не помешало.

Он привстал, желая немедленно пройтись по этому списку дел, и плюхнулся обратно. Казалось, все вокруг существовало лишь ради того, чтобы отвлечь его от работы. Он в который раз перечитал написанное – бред, безвкусица, посредственность. Заказчик такое не примет.

«Вы хотите сохранить изменения в документе?» – спроси-

ло всплывающее окошко после нажатия на красный крестик. Алекс прикрыл глаза, обдумывая. Ответ был очевиден – это никуда не годится. «Не сохранять» – кликнул он и поднялся, с грохотом задвинув стул. Возможно, стоило бы вообще отказать от этого заказа, вернуть предоплату, а после – никогда больше не браться за это.

– Это все, на что ты способен, Алекс, – пробормотал он, сгребая фантики со стола, – либо это, либо тебе с котом будет нечего есть.

Фантики отправились в мусорное ведро под раковиной. Из раковины с укором выглядывала гора немытой посуды. С этим тоже нужно разобраться. Он не заметил, как от фантиков перешел к полноценной уборке во всей квартире.

Он мыл пол, когда в кармане домашних штанов завибрировало. Раздраженно отставил швабру – даже от этого отвлекают. На экране высветился неизвестный номер. Несколько секунд поколебавшись – точно пожалеет, нарвавшись на очередной спам! – он ответил. Из динамика раздался милый женский голос:

– Здравствуйте, вас приветствует...

На этом моменте Алекс уже хотел нажать кнопку сброса, но остановился, услышав тихое «лаборатория по изучению сна» в динамике отведенного от уха телефона. Приложил телефон обратно – вероятно, это могло бы его заинтересовать.

– Могу я услышать Алекса Венеди?

– Это я, – прокашлялся, – здравствуйте.

– Недавно вы проходили опрос на сайте и по результатам подходите для нового исследования.

Женский голос продолжал что-то рассказывать, а Алекс судорожно вспоминал, что это за опрос и на каком сайте. Он часто коротал время, проходя анкетирования за небольшое вознаграждение: на интернет хватало, да и нравилось ему это занятие. Голос в динамике прервался на мгновение:

– Алекс, вы на связи?

– А? Да, – кажется, он прослушал что-то важное.

– Вас интересует предложение?

– Да, – он толком не разобрался, на что именно согласился, но поучаствовать в каком-нибудь исследовании всегда хотел. – Вы можете прислать подробности?

– Вышлю на почту, указанную при прохождении анкетирования.

Девушка попрощалась, и Алекс задумчиво уставился на погасший экран мобильного. Его день сурка, кажется, разбавится чем-то интересным. Он зашел в почту. Письмо от «Лаборатории по изучению сна им. Вернадского» высветилось во входящих.

Алекс открыл письмо, по диагонали прочел приветственное слово для прошедших в группу эксперимента, пролистал общие положения, права и ответственности сторон. Было очень похоже на договор. Он остановился на разделе с оплатой: глаза округлились, когда он увидел сумму, которую получал как минимум за три заказа. Округлились еще боль-

ше, когда прочел, что это только за один день исследования. Уже на этом моменте он готов был поехать хоть на другой конец города.

Энтузиазм сошел, стоило ему дойти до строчки «Договор заключается только после личного собеседования и оценки кандидата на пригодность к исследованию». Алекс выругался, но заглянул в сопроводительное слово к письму: там был указан адрес – конечно же, на другом конце города – и время. Завтра к полудню ему предстояло приехать на собеседование.

Эта ночь казалась нескончаемой. Алекс крутился, укрывался-раскрывался, вытаскивал ногу из-под одеяла, снова прятал ее обратно. Собеседование на пригодность. Да он даже спать-то нормально не может! А это главный навык, который нужен для исследования. Он думал о том, что им еще может понадобиться от него, и любая идея почти доводила до паники. Он же посредственность, ничтожество, ни на что не годный. Так и прошла ночь: от паники до отчаянья. К утру он все же смог ненадолго провалиться в сон. Между этим моментом и звонком будильника, как показалось Алексу, прошло не больше мгновения.

Часть 2. Идеальный кандидат

На место прибыл даже раньше назначенного. Высокие потолки, идеальная белизна стен, контрастная зелень фикусов. Лаборатория находилась на верхнем этаже офисного здания, так что через стекло панорамных окон можно было окинуть взглядом почти весь город. Алекс смотрел в окно, когда к нему подошла девушка с папкой в руках:

– Здравствуйте, вы из группы эксперимента?

– Алекс Венеди, здравствуйте.

Она кивнула и пригласила следовать за ней. Алекс шел, разглядывая бесконечные ряды стеклянных дверей. Какие-то были прозрачные, и можно было увидеть, что происходит внутри, какие-то – покрыты матовым. Они шли по коридорам, сворачивая то направо, то налево – сам бы он здесь наверняка заблудился. Наконец она остановилась:

– Вам сюда, – она слегка улыбнулась, повела рукой в сторону двери, – часть группы прошла собеседование еще вчера, поэтому ждать не придется.

Алекс кивнул. Сердце предательски ускорило: если кто-то проходил собеседование вчера, значит, он наверняка был лишь запасным вариантом. Кто-то из вчерашних не подошел, и им срочно нужно было найти замену. В таком случае вовсе не стоило тратить на это время. Он нервно выдохнул и вошел в кабинет.

Весь воздух был пропитан парфюмом, который сразу буквально забился в ноздри, – дерево, кожа, нотки цитруса. За этим шлейфом угадывался еще один, едва заметный – сигарет. Владелец этого свербящего нос аромата широко улыбнулся, поприветствовал, приглашая пройти к креслу. Алекс приближался, бросая на него неловкие взгляды. Волосы почти полностью седые, густые – даже слишком (у самого-то Алекса уже пошли небольшие залысины в районе лба), подбородок выбрит идеально гладко. Лицо сухое, жесткое, с редкими, но глубокими морщинами. И глаза – Алексу они не нравились. Такие обычно называют «глазами охотника». Несмотря на то, что человек перед ним улыбался, во взгляде этой улыбки не было.

Когда Алекс сел, от мужчины его отделял лишь маленький кофейный столик из стекла. Намного спокойнее было бы, если бы стол был как у врачей – большой, деревянный, позволяющий хотя бы частично скрыться от пристального взгляда. Алекс поерзал, и кожа кресла издала под ним неприятный звук.

– Меня зовут Дмитрий Агатов. Можете называть меня доктор Агатов, – мужчина кивнул.

«Русский, но говорит без акцента» – отметил Алекс.

– Очень приятно, я...

– Ваше имя я уже знаю, – Агатов улыбнулся. – Что вы можете сказать о ноосфере? – он закинул ногу на ногу и сложил сцепленные ладони на колено.

Алекс непонимающе моргнул. Это что вообще за вопросы такие?

– В общем-то, ничего, – честно признался Алекс, понимая, что, скорее всего, на этом его собеседование и закончится.

– Вернадский считал, что ноосфера – сфера разума – возникла как результат эволюции биосферы. Он выдвинул гипотезу, что в ней сосредоточен разум всех людей на земле, и он, этот разум, может влиять на природные процессы, – он сделал паузу, хитро прищурившись, – и я могу сказать, что гипотеза эта доказана. Помимо этого, в ноосфере есть огромное количество информации: всей, которая когда-либо существовала, существует или только будет существовать.

– Какое это имеет отношение ко снам и исследованию? – «И ко мне» хотел добавить Алекс, но промолчал.

– Вы писатель, – собеседник сделал едва заметный кивок головой. Не ответил на заданный вопрос, но, вроде как, ответил на тот, который Алекс не решился задать.

– Это хобби, – Алекс подавил смешок, – какой из меня писатель? Рассказы на сайтах самиздата, которые никто не читает? Те самые, которые я добавляю хорошо, если раз в полгода. Роман, который я не могу закончить уже несколько лет...

– А хотели бы закончить? – Агатов улыбнулся, прервав его монолог о собственной ничтожности.

– Ну наверное. Да.

– Наше исследование поможет вам это сделать, – он поставил ноги на пол и слегка наклонился вперед, понизив голос, проговорил почти заговорщически. – Роман уже существует там, – он указал пальцем в потолок, – в ноосфере. Нужно лишь настроить нужную волну, чтобы его услышать.

– Когда я пишу, слова будто сами приходят мне в голову, а я лишь переношу их в документ, – задумчиво пробормотал Алекс, отводя глаза от внимательных глаз мужчины: выдержать его взгляд было совершенно невозможно.

– Потому что у творцов уже есть доступ к ноосфере. Все эти внезапные озарения ученых, идеи для романов, сюжеты фильмов... все это приходит оттуда. Пока мы формируем ноосферу, наполняя ее своим разумом, она формируется также сама, наполняется тем, что только может быть открыто – на основе нашего сознания. Знаешь ли ты, что наш мозг работает лишь на четверть от возможного? А все остальное – оно там, – он снова указал пальцем на потолок. – И все ненаписанные истории классиков, мелодии, что только зачинались в головах композиторов, не перенесенные на бумагу открытия, все идеи для фильмов, которые еще не успели снять – все это там. Только руку протяни!

Алекс пытался понять это и осмыслить. Он всегда считал, что пишет по вдохновению: когда слова будто сами собой ложатся в нужные предложения. Но оно посещало его крайне редко. А его собеседник предлагает возможность всегда иметь доступ к этому вдохновению? Он мог бы бросить нена-

вистную работу, навсегда отказаться от текстов на заказ для раздражающих клиентов и писать, писать, писать... В его воображении он уже получал предложения от издательств на свой роман-антиутопию, уже собирал множество восторженных рецензий от критиков...

– Этот доступ открывается через сны, – Агатов вырвал его из фантазий, – тогда, когда наше сознание над разумом не имеет власти. Наверняка вы сталкивались с этим: когда после сна приходит идея настолько прекрасная, что нужно ее реализовать. Но чаще всего сны – бесполезный калейдоскоп пережитых эмоций. Наше исследование призвано это исправить.

– Но я же не смогу писать во сне, – Алекс нахмурился, – а идей у меня и без того полно.

– А это следующий этап эксперимента, – улыбнулся мужчина.

– Я все еще не понимаю, почему я, – в его голове пульсировала навязчивая мысль, что он не подходит. Не оправдает ожиданий, на него возложенных.

– Вы творец, Алекс. У вас есть доступ, а потому открыть его, сделать постоянным будет намного проще. Я читал ваши работы, – мужчина откинулся на спинку кресла, – да, в них не хватает мастерства, но они талантливы. Идеи свежие, интересные. Ваш разум станет хорошим вложением в ноосферу. Мастерство нарабатывается лишь практикой и постоянством работы. И вот как раз его я вам и предлагаю – посто-

янство. Вы идеальный кандидат.

Идеальный кандидат. Алекс сдержал нервный смешок.

– Что от меня требуется?

– Всего лишь спать, – Агатов пожал плечами, – мы установим электроды для считывания мозговой активности и будем проводить транскраниальную электростимуляцию для усиления определенных волн. Нашей задачей будет выявление тех волн, на которых наиболее полно открывается связь с носферой. По пробуждению вам нужно будет заполнить дневник наблюдения. Вот и все, что от вас требуется в рамках исследования.

Мужчина замолчал, наблюдая за Алексом. Учитывая, сколько выплачивается за каждую проведенную здесь ночь, основную работу можно было спокойно оставить. По крайней мере, на время – все-таки исследование не будет продолжаться вечно. Но в целом, спать и получать за это деньги – это же выглядело как работа мечты.

– Так вы согласны? – Агатов огладил подбородок.

– Что мне нужно подписать?

С кипой бумаг Алекс разбирался до обеда. По началу он честно пытался читать договор, приложения, приложения к приложениям... сдался на третьей бумаге. Ставил подписи рядом с бесконечными галочками, пока текст не превратился в единое полотно. Последняя подпись походила на какую-то закорючку – рука отказывалась слушаться. Он облегченно выдохнул, сгреб документы в аккуратную стопку.

– Готовы начать сегодня? – Не отводя взгляда от окна, спросил доктор.

– А, ну... – Алекс заерзал, вспоминая, оставил ли коту достаточно корма, чтобы не возвращаться сегодня домой, – да. Определенно.

– Отлично, – Агатов развернулся, одарив Алекса широкой улыбкой, – пойдете пообедаем. Заодно обсудим детали.

Не дожидаясь согласия, доктор направился к выходу. Алекс, прихватив с собой вещи, поспешил за ним. Доктор шел, с кем-то то и дело здоровался, иногда останавливался, чтобы дать указания лаборантам, а потом двигался дальше. Алекс пытался запомнить дорогу, но коридоры – что лабиринт. Агатов не сказал ему ни слова с тех пор, как они покинули кабинет.

– Вот здесь вы проведете сегодняшнюю ночь, – не останавливаясь, доктор махнул рукой на дверь с матовым стеклом.

Алекс замедлился, прочитал «Лаборатория по изучению сна №3», на золотистой табличке рядом с дверью – «Руководитель: Агатов Д.», ниже – «Лаборант: Форакс А.» Взглядом Алекс пытался найти доктора – он уже был в конце коридора, с кем-то беседовал. Пришлось ускориться, чтобы не потерять его из вида. «Если что – всегда смогу найти его по запаху»: усмехнулся Алекс про себя. Доктор, наверное, хотел занять в этом мире как можно больше места, поэтому выливал на себя так много парфюма. У него получалось.

Несколько поворотов спустя, они дошли до столовой. Снова идеальная белизна стен, светло-бежевый мраморный пол, стоящие будто по линейке ряды столов на два человека. Очень много света, проникающего через панорамные окна: ощущение, что тут очень любили стекло, что не окно – то непременно от потолка до пола. Сбоку располагался длинный прилавок (опять же, из стекла), заполненный едой, – единственное яркое пятно среди стерильности. Немногочисленные работники в белых халатах проходили с подносами к столам, тихо переговаривались. Здесь было слишком тихо – будто не столовая, а библиотека.

– Занимайте место, я принесу, – бросил доктор не оборачиваясь.

Алекс хмыкнул и пошел к столу возле окна. Он смотрел на панораму города – серого, контрастно грязного по сравнению с тем, что было здесь, – когда Агатов с тихим стуком поставил перед ним поднос. «Ну хоть он из металла, а не из стекла» – усмехнулся про себя Алекс. Агатов забрал свою порцию, поднос с остальным подвинул ближе к Алексу.

Алекс окинул взглядом трапезу – кусок красной рыбы, овощи с кускусом, посыпанные тыквенными семечками, чай, небольшая плитка шоколада и какой-то соус.

– Не очень люблю рыбу, – буркнул Алекс, нехотя беря вилку.

– Это лосось, – с улыбкой ответил Агатов, отправляя в рот кусочек рыбы, – полезен для работы мозга. Как и брокколи с

морковью, – он указал вилкой на овощи, – и горький шоколад. И семена тыквы.

– То есть нормальную еду здесь не подают? – Алекс попробовал кусочек рыбы, прожевал, слегка поморщившись. Есть можно, но сам он такое вряд ли бы выбрал.

– А что вы едите обычно? – Спросил Агатов, усмехнувшись.

– Ну, картошку жареную вот люблю. Свинину, бекон особенно. Когда времени нет на то, чтоб готовить, могу и лапшу заварить.

Агатов поморщился, покачав головой. Видимо, такой ответ ему не очень понравился.

– Будете приезжать к ужину, – кивнул Агатов, – и приходите на завтрак перед тем, как ехать домой, – добавил еле слышно, – а то это никуда не годится.

Алекс невольно прикинул, сколько может стоять сегодняшней обед. Выходило много. Вычтут из вознаграждения?

– Лаборатория питание оплатит, – будто прочитав мысли, ответил на незадаанный вопрос Агатов.

– Почему здесь так мало людей? – Алекс окинул взглядом просторное помещение, в котором была занята едва ли десятая часть столов.

– Сотрудники приходят, когда им удобно, фиксированного времени нет. Исследования проводятся даже сейчас: наука не берет обеденных перерывов.

Он сказал это с какой-то гордостью. Алекс принялся за овощи, полив их странным белым соусом – было намного вкуснее рыбы.

– А сколько всего испытуемых в группе?

– Пять человек, включая вас, – Агатов слегка улыбнулся. – Наверняка хотите знать, сколько было претендентов? – Алекс кивнул, продолжая жевать, – полторы тысячи, даже чуть больше.

Алекс почти поперхнулся тыквенным семечком. Он прикинул, сколько человек приходилось на одно место в исследовании. Один человек к трем сотням? Снова всплыло предательское «Наверняка были более достойные претенденты, но выбрали тебя» и страх не оправдать ожиданий доктора. Аппетит резко пропал.

Избавятся ли они от него, если он окажется бесполезен? Найдут другого кандидата на его место? Наверняка. Потребуют ли обратно деньги? Выставят счет, который он не сможет покрыть. Руки начали мелко дрожать, и он зажал их между коленей, чтобы доктор Агатов этого не заметил. Но он заметил.

– Нет причин для волнения, – почти по-доброму улыбнулся мужчина, – вы же читали договор?

Алекс нервно выдохнул: не читал. Что там было? Надо все же прочесть, а то может он тело науке завещал, не зная об этом.

– Ладно вам, никто его не читает, – Агатов тихо рассме-

ялся, – вам платят за время. Не за результат. В конце концов, в науке отсутствие результата – тоже результат. Вы, можно сказать, первопроходцы. На вас мы проверим теорию, возможно ли вообще открыть доступ к ноосфере. А после, опираясь на данные, организуем масштабное исследование, – он отпил чай, слегка нахмурился, – кстати, один из подписанных вами документов – договор о неразглашении. Вы же понимаете, что это значит?

«Первое правило бойцовского клуба: не упоминать о бойцовском клубе» – Алекс подавил смешок.

– Никому не рассказывать об исследовании и своем участии в нем, – сказал он, стараясь сделать голос серьезным.

– Вот и славно, – Агатов улыбнулся, – а теперь поговорим немного о вас. О чем ваш роман?

Алекс отхлебнул чай, пытаясь хоть ненадолго оттянуть ответ. О чем его роман? Почему так сложно ответить на такой простой вопрос? Агатов терпеливо ждал.

– Это антиутопия, – неловко начал он, – абсолютная демократия, где все вопросы решаются голосованием: от выбора членов советов до судебных приговоров.

– По описанию больше похоже на утопию, – усмехнулся Агатов, – демократия, идеальное общество, равенство.

– Только на первый взгляд. Наверное, здесь была бы близка аналогия со «Скотным двором». Все равны, но некоторые равнее других.

– Любопытно, – кивнул собеседник, – давайте подробнее.

Конфликт, испытания для главного героя... На чем строится сама история? Ну давайте, не стесняйтесь.

Агатов слегка подался вперед, поставив подбородок на сцепленные руки. Алекс отвел взгляд к окну: доктор смотрел слишком тяжело и пронзительно.

– Ну, – начал Алекс, рассматривая крыши высоток, – на самом деле, я пока только на этапе идеи. Готов лишь черновик первой главы, а чем закончится – понятия не имею, – он вздохнул и бросил взгляд на доктора, который продолжал на него смотреть.

В мыслях промелькнуло, что сейчас Агатов в нем разочаруется: он поставил совсем не на того человека. Как на зло, доктор продолжал молчать. Алекс судорожно вспоминал, о чем может рассказать, чем может заинтересовать. В его голове все было складно, логично: весь мир уже был продуман до мелочей, даже сюжетная линия вроде как маячила. Но облечь свои мысли в слова он не мог.

– Я уверен, когда я спрошу вас об этом завтра, вы сможете мне рассказать подробнее, – улыбнулся доктор, и у Алекса отлегло от сердца, – сейчас проведем тестирования, чтобы понимать, с чем имеем дело. Идемте, Алекс.

Доктор встал и направился к выходу. Видимо, ожидать ответа собеседника не было в числе его привычек. Алекс двинулся следом, бросив взгляд на оставленный поднос. Персонал поспешил убрать его, едва они отошли от стола. «Не лаборатория, а санаторий какой-то» – промелькнуло в голове.

Часть 3. Больше никогда бы с ней не работал

Пройдя по коридорам, дорогу по которым в этот раз Алекс даже не пытался запомнить, они вышли к какому-то кабинету. Агатов вошел без стука, и девушка, что сидела за столом, вздрогнула от неожиданного появления.

– Здравствуй, Алания, – широко улыбнувшись, поприветствовал ее Агатов.

– Добрый день, – ответная улыбка.

Алекс стоял за спиной доктора, и на него девушка, казалось, внимания не обращала. Не обратила даже тогда, когда Алекс ее поприветствовал. Они с Агатовым говорили о тестировании, вворачивали в разговор кучу каких-то малознакомых Алексу терминов, Алания что-то спешно записывала, помечала в бланках.

Она была почти болезненно худой, а кожа – едва ли ярче ее халата. Глаза большие, впалые, с темными кругами, и волосы – как мышьяная шкурка: русые, но настолько ненасыщенные цветом, что еще тон – и уйдут в серый. В целом, весь ее образ – будто на фото красивой девушки наложили какой-то фильтр, который снижает яркость и контраст. Алекс определенно находил ее привлекательной, но при этом – совершенно бесцветной.

– Алекс, – Агатов легонько тронул его за плечо, – вы, верно, все прослушали? Ну, ничего, Алания все расскажет, покажет... вы в надежных руках, в общем.

На прощание еще раз широко улыбнувшись, Агатов покинул кабинет, а Алания наконец обратила на Алекса внимание.

– Добрый день, – на него улыбки не нашлось, – прошу, проходите. Все разрешения на обследования, как я понимаю, вы уже подписали. Так что можем начинать.

«Подписали, да. Еще и прочитали перед этим» – Алекс усмехнулся, в очередной раз пожалев, что не удостоил вниманием ту кипу, что ему дали на подпись. Алания собрала бумаги и пошла в небольшое помещение, которое располагалось сбоку. Алекс последовал за ней, удивившись, что от его внимания в принципе ускользнуло наличие этого самого помещения.

В нем стоял какой-то аппарат, небольшая тумба рядом с ним и большое кресло с высокой спинкой. У стены стоял стол с компьютером. Алекс огляделся – больше здесь ничего не было.

– Располагайтесь, – Алания кивнула на кресло.

Алекс послушался. Девушка засуетилась, надела перчатки, достала из тумбы лоток, наполненный чем-то, открыла бутылку – пахнуло спиртом. «Как перед операцией какой-то» – тревожно пронеслось в голове.

– А что вы собираетесь делать? – Алекс бросил на нее

встревоженный взгляд.

– Просто снимем показатели электрической активности мозга, – ответила сухо и надела на него какого-то странного вида шапочку из силиконовых трубочек.

Смоченной в спирте ватной палочкой прошлась по коже головы в месте соприкосновения с ней электродов.

– Нужно обезжирить, чтобы контакт был лучше, – пояснила она.

Поводила мышью, чтобы вывести компьютер из спящего режима – на экране высветилась схема головы и расположенных электродов. Все, кроме одного, горели зеленым. Она снова вернулась к Алексу, прошлась спиртом еще раз, поставила электрод на место – на схеме желтый сменился зеленым цветом. Она закрыла плотные шторы, и комната погрузилась в полумрак.

– Посидите с открытыми глазами, когда скажу – закройте. Постарайтесь не уснуть, нужны показатели в состоянии бодрствования. И не двигайтесь.

И Алекс сидел. Невыносимо долго и неподвижно. Кресло, показавшееся таким удобным в начале, теперь причиняло дискомфорт. Ему хотелось сменить позу, вытянуть ноги, размять плечи – что угодно. Алания молчала. С закрытыми глазами Алекс пытался понять, что она делает – ни звука, который мог бы стать подсказкой. Не было ничего, на чем можно было бы сосредоточиться, чтобы не уснуть. Вроде Агатов говорил, что те же показатели будут фиксироваться и во вре-

мя сна. Если ему придется провести так всю ночь, то тогда ясно, почему они столько за это платят. Это же мучения в чистом виде.

Наконец, Алания сообщила, что запись окончена. Распахнула шторы, впустив болезненно яркий свет. Спешно сняла с него странную шапочку, убрала все на место – суетливо. Алекс встал, с наслаждением разминая затекшие конечности. Хотелось прогуляться, тем более, что солнце светило так ярко...

– Для остальных тестов нужно будет пройти в другую лабораторию, – сообщила она и направилась к выходу, прихватив с собой бумаги.

Это у них в порядке вещей, что ли, внезапно сообщать о смене локации и тут же бежать? Алекс поплелся следом. Другая лаборатория располагалась по соседству. Алания усадила его за компьютер, открыла какие-то тесты, бросила сухо «Проходите» и села в углу комнаты, изучая что-то в телефоне.

По началу Алексу даже нравилось – это напоминало анкетирования, которые он так любил проходить. После двадцатого вопроса появилось раздражение, после пятидесятого – хотелось выкинуть компьютер в окно, еще через двадцать – самому в него выйти. Он вздохнул с облегчением, когда тест подошел к концу.

– Теперь следующий, – безразлично бросила Алания, а Алекс подавил крик отчаянья.

За тестом следовал еще один тест, а за ним – еще один. Появилась твердая уверенность, что больше он никогда в жизни ни за одно анкетирование не возьмется. После тестов-опросников последовали более интересные, «психофизиологические» – как сообщила ему Алания.

Изрядно уставший, ненавидящий лабораторию и безразличную Аланию, Алекс ожидал начала ужина. Он сидел, рассматривая свои руки, и мечтал о том, чтобы перейти к основной части, ради которой здесь и находился – сну. После бессонной ночи накануне это было единственным, чего он хотел. «Интересно, а недостаток сна повлияет на результаты тестов?» – он пришел в ужас при мысли, что тесты придется проходить снова.

– Ну как тут наш подопечный? – Агатов вошел без стука, заставив подпрыгнуть на месте и Алекса, и Аланию, которые сидели до этого в полной тишине. Одарил обоих широкой улыбкой.

– Ничего необычного, – Алания ответила ему улыбкой, чем вызвала очередную волну раздражения в Алексее. Начала зачитывать с протокола. – Реакции средние, где-то – выше среднего. Нервная система средне-слабая. На ЭЭГ – признаки утомления, но в целом в пределах нормы. Уровень интеллекта сто двадцать два. В общем, наш подопечный – средне-статистический и ничем не примечательный.

Алекс шумно втянул воздух. Можно подумать она очень примечательная. Он надеялся, что сегодняшней день – пер-

вый и последний, когда ему пришлось иметь с ней дело.

– Это отлично, совершенно отлично, – закивал Агатов, – на ужин не планируете?

– Пока нет, нужно еще кое-что обработать.

Алекс ощутил облегчение от того, что хоть на ужине он будет в более приятной компании.

– Идемте, Алекс, – сказал Агатов, и Алекс тут же подскочил с места. Как и ожидалось, доктор направился к выходу примерно одновременно с тем, как сказал идти.

Ужин был много лучше обеда – по крайней мере, рыбы не было. На тарелке лежали кусочек курицы, булгур и овощи. Алекс с удовольствием принялся за трапезу.

– Как вам Алания? – Слегка улыбнувшись, спросил Агатов.

– Ну, она... – Алекс замялся, пытаясь не сказать «ужасная», «холодная», «больше никогда бы с ней не работал», буркнул, – профессионал.

– О, я рад, что она вам понравилась, – удовлетворенно кивнул доктор, – все-таки работать с вами будет в основном она.

На этот раз Алекс поперхнулся. Закашлялся, смаргивая выступившие слезы. Агатов тихо рассмеялся.

– Она всегда такая с малознакомыми людьми, – ободряюще сказал он, и Алекс удостоил его недовольным взглядом, – не переживайте, как привыкнет к вам, станет легче общаться.

Остаток ужина они обсуждали проведенные тесты, распорядок дня, немного поговорили о работе. После ужина Алекс сообщил, что валится с ног, а потому исследование можно начинать.

Подойдя к двери лаборатории номер три, Алекс снова прочел на табличке «Лаборант: Форакс А.», поморщился, поняв, что «А» значило «Алания». В помещении стояла кровать и рядом – такой же аппарат, как тот, на котором снимала сегодня показатели Алания. Алекс сел на край кровати – благо, что не кресло. Девушка надела на него не менее странную шапочку, только в этот раз электроды были на ткани. Она проверила что-то на компьютере, удовлетворенно кивнула. Подключила еще один аппарат, расположив его пластину чуть ниже затылка. Приказала (именно приказала, что Алекса очень разозлило) лечь и постараться как можно скорее уснуть.

Часть 4. Пустота и форма

Алекс почти сразу провалился в сон. Он огляделся вокруг – ослепляющая белизна. Стены, пол, листья фикусов в больших горшках, даже город за окном – белые. Он сделал шаг к окну – точнее, попытался, – но ноги будто приросли к полу. Опустил глаза: его тело – прозрачная белизна. Без формы, материи. Попытался поднять руки – не руки, лишь невидимое ничто. Он – ничто. Пустое место в пустом мире стерильной белизны.

«Среднестатистический и ничем не примечательный» – настолько не примечательный, что его будто бы и нет вовсе. Легкие сдавило паникой. До этого он вообще не замечал, что дышал, но невозможность сделать вдох (и при этом – отсутствие в этом потребности) позволило в полной мере ощутить свое небытие. Пустое место. Все, что он мог – это наблюдать. Быть сторонним наблюдателем жизни, но не жить самому. Хотелось плакать, но у пустого места нет глаз, чтобы из них лились слезы.

К нему тихо подошла-подплыла Алания, неизвестно откуда взявшаяся. Здесь, в мире белизны, она, бесцветная, выглядела невероятно органично. Будто этот мир создан для таких, как она. Она была кем-то, в отличие от него.

Алания улыбнулась своей красивой широкой улыбкой, и Алекс ощутил, как его сердце забилося быстрее. Сердце –

оно у него было. Мягко коснулась плеча, и он почувствовал это касание. Сделал вдох. Шаг. Его тело вернулось к нему. Она поделилась с ним бытием, облекла его пустоту в форму, позволила занять ему место в этом мире.

Он протянул к ней руку, но она лишь усмехнулась и отпрянула. А в следующее мгновение Алания пропала, оставив его одного. Окружающая белизна пошла рябью. С глухим треском сквозь пол вырастали здания и деревья, пробивались сквозь потолок, под ногами прошла дрожь, сбив Алекса с ног. Он зажмурился, боясь открыть глаза, слышал, как мир вокруг рушится. Внутри – лишь всепоглощающий страх, который не давал пошевелиться. Все стихло.

Он открыл глаза, когда резкая тишина сменилась гулом и шумом машин. Сощурился от ярких солнечных лучей, которые отбрасывали блики от стекол высоток. Огляделся: люди спешат, идут куда-то бесконечным муравьиным потоком, уткнувшись в экраны браслетов на запястьях. Поднял свою руку – женскую, – на которой был точно такой же браслет. Он перемигивался всплывающими уведомлениями.

– Селения, – раздалось за спиной, – Селения, зову тебя с другого конца улицы, ты чего застыла?

Девушка поравнялась, окинула с ног до головы удивленным взглядом, сморщила курносый нос, усыпанный веснушками. Каштановые волосы растрепаны, несколько прядей прилипли к потному лбу – бежала?

– Выглядишь жутко, – она тихо рассмеялась. Лили –

всплыло в голове ее имя.

– Ты не лучше, – мягкий женский голос, слова, которые были сказаны им, но не им. Селенией.

– Ты уже проголосовала сегодня? – Лили подхватила Селению под локоть и повела дальше по улице. – Ох, сегодня целых три голосования! Ты какой срок выбрала для Фриды Гудвил?

– Я не голосовала. Уже второй день не могу найти времени...

– Сдурела? – Лили аж остановилась, чтобы бросить на нее укоризненный взгляд, – Сель, ты что, нельзя не голосовать! Три дня и получишь предупреждение. А повторно уже предупреждать не станут, у меня так знакомый...

– Ладно, Лили, – сдалась Селения, – ты за что голоса отдала?

– Ну, я выбрала облагородить парковую зону, на должность советника выбрала Патрицию Борд, а срок для Фриды – три года.

Селения открыла оповещения на браслете, поставила галочки там же, где и Лили. Остановилась на Фриде Гудвил, задумалась. «Фрида Гудвил, гражданка Поляриса, обвиняется в нарушении режима. Уклонение от коллективного принятия решений в течение десяти дней по причине: утеря браслета».

– Так она же не виновна, – Селения нахмурилась, посмотрев на подругу, – как бы она голосовала, если браслета нет?

– На его восстановление уходит не больше трех дней! – Лили тряхнула волосами. – Я знаю, потому что сама как-то потеряла.

Селения поморщилась и поставила галочку напротив строки «Срок исправительных работ – 1 год» – самый малый, который предлагался к выбору. Поморщилась еще раз, когда увидела результаты предварительного голосования, в которых побеждал вариант на три года.

– Видишь, что может быть, если вовремя не принимать коллективных решений? – Назидательно сказала Лили.

– У меня мама в больнице, – попыталась оправдаться Селения, – у меня правда не было времени.

– Какой ужас! – Глаза Лили округлились. – А что случилось? Ей выделяют средства из общего бюджета?

– Инсульт, – выдохнула Сель, – не выделяют. А у меня самой нет средств на реабилитацию. Вот и мотаюсь, беру смены вне графика.

Лили полезла в браслет, что-то сосредоточенно искала, читала, сведя брови к переносице.

– Илона Бронкс, – пробормотала себе под нос Лили, – род деятельности – учитель, стаж работы – семнадцать лет, особые заслуги перед обществом отсутствуют.

– Если бы было двадцать лет, присвоили бы заслугу в воспитании юного поколения граждан Поляриса. А так, – Селения грустно усмехнулась, – никаких заслуг. Всего три года, Лили. Не хватило всего трех лет!

Лили посмотрела на нее сочувственно, сведя брови к переносице, но не нашлась, что ответить. В молчании они дошли до их любимого кафе, где подавали лучшие блинчики с мороженым. Кто бы сомневался, что Лили приведет ее именно сюда.

– Идем, блинчик с лимонным пломбиром поднимет тебе настроение, – Лили слабо улыбнулась, – я угощаю.

Селения поплелась за подругой, села за их столик у окна, откуда можно было наблюдать за прохожими... темнота.

– Просыпается, – сухой женский голос прозвучал где-то рядом, – доктор Агатов, а нужно... – голос стал удаляться.

Алекс открыл глаза. Потолки и стены давили своей белизной. Он вздохнул, сел, поморщившись. Запах кожи и дерева с нотками цитруса.

– Как твое самочувствие? – Агатов бодро прошагал к кровати, сел на стул напротив Алекса, – что снилось? Так, давай это снимем, а потом запишешь.

Он сунул ему в руки белую папку, принялся снимать датчики. Алекс пытался прогнать остатки сна – слишком реального, чтобы быть просто сном.

– Я видел сцену из своего романа, – пробурчал Алекс, – я не досмотрел.

– О, хочу знать все подробности, – оживился Агатов, – но сначала запиши, нужно задокументировать. А мы потом сопоставим. Ты единственный, у кого есть результат! Очень надеюсь, что это следствие нашего вмешательства, и это можно

будет применить на других испытуемых.

Еще толком не проснувшись, Алекс принялся записывать в подробностях все, что видел во сне. И белизну, и пустоту, и его небытие. Как был ничем и никем. И то, как стал кем-то. Не просто кем-то, а собственным персонажем.

Часть 5. Недостаточно

– Совершенно потрясающе! – Воскликнул Агатов, уминая кашу с ягодами за завтраком. Алекс рассказал во всех подробностях сюжет, который видел, и это привело доктора в совершенный восторг. – И вы на самом деле все ощущали? Прямо как в реальности?

– Да, – усмехнулся Алекс, – порой даже ярче.

– Потрясающе, – повторил Агатов.

После завтрака Алекс сразу же поехал домой. Кот наверняка его потерял, сидел там, грустный и ненакормленный. Он никогда так надолго не оставлял его одного. Было немного стыдно перед пушистым другом. Но, кажется, это того стоило.

По пути Алекс раз за разом прокручивал в голове увиденное во сне – чтобы не забыть. Сцена обростала новыми подробностями и деталями. Он еще никогда не чувствовал такой легкости, эйфории, такого рвения к работе над книгой. Дело наконец должно сдвинуться с мертвой точки: он видел сюжет так ярко, так полно, так... правильно. Будто в мозаике истории нашелся новый недостающий кусочек.

Кот приветствовал его недовольным мяуканьем, которое не стихало ни на секунду, даже когда Алекс насыпал в миску корм. Кажется, пушистый его отчитывал, жаловался, как ему тяжело было весь прошедший день.

– Ну все, Феликс, это больше не повторится, – гладил его по темной шерсти Алекс, успокаивая, – только ночь будешь без меня проводить.

Кот недоверчиво на него посмотрел, будто решая, прощать его или нет, и принялся хрустеть кормом. На сытый желудок точно простит.

Алекс поставил чайник, бросился к компьютеру, нервно переминался с ноги на ногу, ожидая загрузки. Чайник закипел – быстро налил себе чая, вернулся к компьютеру, который светился экраном приветствия. И Алекс наконец сел писать.

Вот оно, это давно забытое чувство – когда слова сами ложатся в предложения. По сути, он просто описывал пережитое, увиденное собственными глазами. От этого ладони потели от возбуждения. Он сам был героем своего романа, писал о своих чувствах и ощущениях, – о, как же это было прекрасно. Он не заметил, как провел несколько часов за работой, не отрываясь, не отвлекаясь. Ничто в мире не имело в этот момент значения.

«Селения поплелась за подругой, села за их столик у окна, откуда можно было наблюдать за прохожими...» и все. На этом магия закончилась. Алекса будто окатили ледяной водой: этого недостаточно! Он откинулся на спинку стула, руки било мелкой дрожью. Ему нужно было в лабораторию. Он должен был узнать, что будет дальше, он должен закончить! Из горла вырвался жалобный стон. Отчаянье. До поездки в

лабораторию было еще больше пяти часов.

Он мерил шагами комнату, чувствуя себя крысой, у которой отняли кнопку, нажатие на которую заставляет испытывать удовольствие. Что ощущала бы та крыса? Электроды, подключенные напрямую к мозгу? Стены квартиры давили, будто клетка. Он с грохотом отодвинул стул, сел и уставился на экран монитора, раз за разом перечитывая последнюю написанную строчку. Дальше слова не шли.

Ему нужно было отвлечься, дожить до поездки в лабораторию, а там... там ему снова дадут эту чертову кнопку. Он вспомнил о заказе, над которым работал вчера. Открыл пустой документ. Долгие несколько минут смотрел в пустую белизну вордовского листа. Сжал челюсти, нервно выдохнув: ему хотелось избавиться от нее, от этой ненавистной белизны, убить ее. И он начал работать.

Белизна была побеждена ровными рядами текста, таблицами и схемами – пала, сдавшись непривычно быстро. Алекс перепроверил все еще раз, удовлетворенно кивнул и отправил клиенту. Сегодня заказ казался до смешного простым.

Он смог отвлечься на три часа – недостаточно. До поездки оставалось еще много времени. Он слонялся по квартире, проверил социальные сети (можно подумать, кто-то станет ему писать), почитал книгу, помирился с Феликсом, еще раз покормил его. Решив, что больше не может ждать, отправился в лабораторию.

Часть 6. Ника

Приехав раньше назначенного, Алекс хотел найти Агатову – передумал, поняв, что скорее заблудится, чем найдет нужный кабинет. Пожалел, что не додумался взять его номер, чтобы позвонить. К работникам с просьбой его проводить обращаться не хотелось.

Он сел в холле, разглядывая проходящих мимо сотрудников. По началу ожидание здесь казалось не таким томительным: он считал количество докторов и лаборантов – отличить их можно было по халатам. Остальные работники были в белой форме: футболка и штаны. Наскучило после двенадцати, и, кажется, кого-то он посчитал дважды.

– Ты из группы Агатова? – Рядом с ним на диван плюхнулась странного вида девушка, грубо вырвав его из дремы.

– А, – сонно буркнул Алекс, – да. А ты?

– И я, – кивнув, улыбнулась собеседница, – я Ника.

– Алекс, – он вернул ей улыбку.

Ника – миниатюрная, ростом едва ли до подбородка достала бы (и чего плюхается так, будто весит под сотню?) Волосы цвета розовой сладкой ваты, выются мелкими локонами, ложатся на открытые плечи. Алекс провел взглядом по тонкой руке, украшенной татуировкой от запястья и почти до середины ключицы. Рисунок – будто мастер пытался впихнуть туда все цвета и сюжеты разом.

– Нравится? – Улыбнулась Ника, заметив его взгляд, – сама рисовала эскиз.

– Не могу понять, что изображено, но выглядит красиво, –

кивнул Алекс, и Ника протянула ему руку.

– Можешь рассмотреть, если хочешь.

Алекс неловко взял протянутую руку, провел пальцем по аккуратным линиям. Мифологические мотивы: маска шакала (почему-то в синих и фиолетовых цветах), ниже – какие-то символы, похожие на руны. Из облака – протянутая рука с кубком, из которого бьет фонтан, переливаясь от голубого к фиолетово-розовому. Брызги воды обращаются в птицу, крыло которой украшает запястье Ники. Нарисовано очень мелко, чтобы все уместилось на маленькой площади ее руки: не поднесешь ближе к глазам – не разберешь, что это не просто скопление ярких пятен.

– Кубок – иллюстрация одной из карт таро. Символизирует эмоции и творческое начало, птицы – свободу и мир, маска Анубиса – как напоминание о конечности жизни, а руны – став на достижение цели.

Она забрала руку, неловко зажав ладони между коленей. Алекс пытался понять, что должно быть намешано в голове, если даже на руке – все и сразу.

– Ты, выходит, художник, – нарушил Алекс затянувшееся молчание.

– Можно и так сказать, – Ника хмыкнула, – только рисую на людях. Хочешь, и тебе что-нибудь набьем?

– О, ну нет, не дам я себя иголками тыкать, – рассмеялся Алекс.

– Ладно-ладно. Но ты подумай, – снова улыбка. – Вооб-

ще я надеюсь, что эксперимент поможет мне рисовать что-то действительно экстраординарное. Доктор Агатов предполагает, что я смогу буквально видеть перед глазами то, что родится на холсте. Сейчас с этим проблемы, сама я почти не рисую, только копирую чужое, добавляя что-то свое. А ты? Как сюда попал?

– Я пишу, – хмыкнул Алекс, – пытаюсь, если быть точным.

– Тоже своего рода художник, только вместо красок – буквы, – она мечтательно посмотрела в потолок, вздохнув, – ты можешь рисовать то, что я никогда не смогу – чувства, эмоции, мысли. – Она повернула к нему голову, – Это потрясающе.

– Я никогда не смотрел на это так, – Алекс несколько раз моргнул, чтобы осознать это странное сравнение.

– О, вы познакомились, – Агатов появился, захватывая всю прилегающую к нему территорию запахом парфюма. Как обычно широко улыбался. – Извини, Ника, не мог ответить на звонок. Ты уже поужинала? – Ника кивнула. – В таком случае можешь идти, Паола тебя ожидает. Утром загляну.

Ника кивнула доктору, бросила на прощание, что была рада знакомству и спешно удалилась.

– Хорошая девушка, – Агатов тепло улыбнулся, смотря ей в след, а после тяжело вздохнул, – правда, пока совершенно бесполезная для исследования. Она здесь уже четвертую ночь, но никаких результатов.

– А что вы...

– Будем пытаться дальше, конечно, – пожал плечами доктор, повернувшись к Алексу, – еще слишком мало времени прошло, чтобы опускать руки. Сегодня попробуем то, что сработало на тебе. – Он улыбнулся. – Ну что, поужинаем и повторим наш успех, м?

Они неспешно двинулись в сторону столовой. Алекс понял, что последний раз ел он здесь же, и это было утром. Желудок свело: возможно, он напоминал о себе и раньше, но Алекс был слишком зациклен на другом. Теперь его мысли занимала еще и Ника: что будет, если у нее и сегодня ничего не выйдет? А если не выйдет и спустя неделю?

– Вы расскажете, если получится с Никой?

– Если хочешь, – Агатов кивнул.

– А другие испытуемые, я смогу с ними познакомиться? – Теперь Алексу было любопытно, кто еще участвует в эксперименте. Наверняка это люди весьма интересные.

– Возможно. Но вы все приезжаете и уезжаете в разное время. Даже встреча с Никой – удача. Обычно она приезжает намного позже, а уезжает – раньше. Рабочий график, понимаешь ли, – Агатов усмехнулся. – Возможно, количество времени во сне влияет на то, что на ней не сработало.

– Понятно, – буркнул Алекс. Он надеялся, что, когда все получится, она покажет ему пару своих картин.

Может, взять у Агатова ее номер? Хотя вообще-то надо бы взять номер самого Агатова. Не успел – они дошли до столовой. Время на разговоры терять не хотелось, поэтому

он быстро закинул в себя ужин и готов был сорваться в лабораторию. За всю свою жизнь ни разу он так не желал скорее уснуть, как сегодня.

Часть 7. Долг

Алекс наблюдал, как Селения собирает вещи. Сегодня он не был ею, был лишь сторонним наблюдателем ее жизни в Полярисе. Приблизился, разглядывая ее: высокая и худощавая, черты лица острые, мелкие, будто бы птичьи, но глаза вытянутые, миндалевидные – не подходяще хищные к ее птичьему лицу. Темные прямые волосы собраны в хвост, доходят почти до поясницы. Ее вряд ли можно было назвать красивой по общепринятым стандартам, но было в ней что-то влекущее, инопланетное: прекрасное в своей неправильности.

Она скидывала в чемодан одежду – совершенно беспорядочно, и, кажется, даже особо не разбирая, что именно скидывает. Огляделась, промчалась на кухню, нашла маленькую косметичку с лекарствами, впихнула в чемодан. Попробовала закрыть, выругалась себе под нос, когда не вышло. Вытащила часть вещей обратно на кровать, все же закрыла чемодан и, прихватив его, спешно направилась к выходу.

Погрузила поклажу на заднее сидение и залезла в электромобиль. Алекс не понимал, что происходит. Эта сцена, вероятно, должна быть куда позже по повествованию. Почему он не видит продолжение, а только несвязанные куски? Это нервировало.

Браслет на руке Селении замигал и завибрировал. Девуш-

ка прибавила скорость, игнорируя звонок. Солнце едва показалось из-за горизонта, и дороги были пустыми. Селения игнорировала и красные сигналы светофоров. Браслет завибрировал снова.

– Что тебе нужно, Лили? – Девушка почти кричала, ответив на входящий.

– Ты за рулем, что ли?

– Не твое дело.

– Ты знаешь... Селения, не делай глупостей, ладно, – тихий, почти извиняющийся голос подруги из динамика, – просто сдайся, и может люди решат дать тебе не сильно большой срок.

– В жопу людей, – Сель нервно рассмеялась, – ты ведь будешь первая, кто проголосует за максимальный. Все-таки я не просто нарушала режим коллективных принятий решений, как та же Фрида, я член оппозиционного движения. Хотя, полагаю, тебя уже поставили на рассмотрение заслуг перед обществом за то, что меня сдала. Да? – Она сделала паузу, – отвечай, Лили, мать твою!

– Я исполняла свой долг! – Послышался ответный крик. – И всего этого не случилось бы, исполняй ты свой!

– Долг, – протянула Сель, – все, что я знаю о долге – это то, что он у меня есть. Большой такой, денежный. А знаешь, почему? Потому что на лечение из общего бюджета дают средства тем, у кого они и без того имеются. Всем плевать на таких, как мы с мамой!

– Твоя мать всегда была законопослушной гражданкой Поляриса. Думаешь, она бы встала на твою сторону, если бы узнала, что ты – преступница?

– Встала бы, если бы выжила! – Сель нажала на кнопку браслета, и он с тихим щелчком ослабил хватку вокруг ее запястья. Аппарат полетел в окно, разбиваясь об асфальтовое покрытие шоссе.

Сель гнала машину прочь из города, как можно дальше. Она, в отличие от матери, никогда не была такой уж законопослушной гражданкой Поляриса, но теперь стала настоящим позором общества – преступницей в бегах.

Алекс открыл глаза, поморщился, увидев на стуле у кровати дремавшую Аланию. Стоит ли ее разбудить? Алекс решил дать лаборантке немного поспать, все-таки она всю ночь его караулила. Он сел, и Алания вздрогнула, захлопала большими глазами.

– Сегодня вы как-то рано пробудились, – буркнула она, – получилось?

– Да, я снова видел сюжет, но на этот раз не был участником.

Алания встала, сняла с него аппаратуру, прошла к столу, склонилась, сделав какие-то пометки.

– Вероятно, мы нашли то самое сочетание, которое необходимо, – Алания кивнула. – Запишите все, что происходило, что чувствовали, что видели. И езжайте домой.

– А доктор Агатов где? Мы не должны с ним на завтрак

пойти?

– Его не будет до вечера, – буркнула Алания, перебирая бумажки и продолжая помечать.

Алекс вздохнул. Доктор наказал ему завтракать здесь, но без него Алекс не был уверен, что в принципе доберется до столовой, не заплутав. Пора бы уже начать запоминать расположение всех важных мест в лаборатории. Снять видео на телефон, что ли? В голову пришла мысль, о которой он наверняка пожалеет.

– Вы ведь тоже не завтракали? Не хотите присоединиться?

Алания оторвалась от бумаг, подняла на него взгляд, несколько раз моргнула. Последовало бесконечно-долгое (как казалось Алексу) молчание, которое длилось не больше нескольких секунд.

– Почему бы и нет. Идемте. Только сначала сделайте записи.

Алекс заполнил дневник: сегодня текста вышло намного меньше. Возможно, потому что ему хотелось писать продолжение, а не заполнять бумажки? Он отдал дневник Алании, она сразу же принялась изучать написанное.

– Можем идти, – бросил он и сразу вышел: как обычно делали доктор и сама Алания. Усмехнулся, радуясь, что смог отыгаться.

– О, привет! – Ника окликнула его, ускоряясь, – мы, оказывается, почти соседи, я в первой. – Остановилась перед ним, улыбнулась, слегка склонив голову на бок, – ну что, как

у тебя?

– Привет, – Алекс широко улыбнулся в ответ. Отчего-то при виде Ники настроение стало на порядок лучше. – Как и вчера.

– Тоже ничего? – Ника свела брови к переносице, – я уже устала. Не люблю, когда что-то не получается сразу.

– Вообще-то со мной уже вторую ночь подряд срабатывает, – Алекс вздохнул. Неужели остальным испытуемым не говорят об успехах эксперимента?

– Оу... – Ника заметно осунулась, но уже через мгновение на ее лице снова расцвела улыбка, – расскажешь, каково это? До жути интересно!

– Думаю, ты скоро это и сама испытаешь, – Алекс ободряюще улыбнулся, – доктор Агатов говорил, что они будут пробовать воспроизвести полученные результаты на других испытуемых.

Дверь отворилась, и из лаборатории наконец вышла Алания.

– Вы меня ждете что ли? – Кинула взгляд на Алекса. – Здравствуй, Ника, – добавила она, улыбнувшись девушке.

«Она только мне не улыбается, что ли?» – Алекс сдержался, чтобы не закатить глаза.

– Здравствуйте, – девушка махнула рукой в знак приветствия. – Сегодня приду чуть позже. Вам позвоню, а то доктор Агатов не всегда трубки берет. До встречи, Алекс, – улыбнулась, – все же жду твоего рассказа, – и пошла дальше по ко-

ридору, почти вприпрыжку. Откуда столько энергии с утра пораньше?

– Вам не стоит рассказывать о своем опыте, – сухо сказала Алания, глядя на удаляющуюся Нику.

– Запрещено договором?

– Нет. Она слишком расстраивается, что у нее не выходит. Думает, что с ней что-то не так.

– Переживаете за Нику? – Алекс усмехнулся. Мысль, что Алания может испытывать сочувствие, была до странного смешной.

– Нет. Подавленность может помешать эксперименту. Идемте уже, у меня еще много дел после.

И она двинулась в сторону столовой. Алекс еще раз усмехнулся: все же Алания думает исключительно об эксперименте.

Часть 8. Контроль

По пути домой Алекс думал об увиденном во сне. Как провести героиню от прошлой сцены к этой? Можно ли как-то настроить аппарат, чтобы показывало продолжение, а не несвязанные между собой куски? Наверное, это было бы слишком просто.

У него была незаконченная экспозиция и какая-то невнятная завязка, а тут – уже нарастание конфликта. Селения говорила что-то о том, что стала преступницей в бегах, что она член оппозиционного движения. Была ли смерть матери толчком к тому, что она ступила на этот путь?

Алекс запрокинул голову, уставившись в потолок. Ему нужен был еще один фрагмент этой мозаики. Было бы много проще, если бы он умел писать так, как советуют маститые писатели – по предварительно составленному плану, а не так, как делал это он – в потоке, с наскоку. Этот поток был непредсказуем, а персонажи начинали жить своей жизнью, и он терял над ним контроль.

Хотя он терял контроль даже над собой, что и говорить о героях произведения. Алекс хмыкнул, вспомнив сегодняшний завтрак с Аланией (никогда бы больше с ней не работал).

Она сидела, задумчиво пережевывая мюсли с йогуртом и свежими ягодами, параллельно печатая что-то в телефоне. Алекс с удовольствием обнаружил, что в столовой все

же подавали нормальную еду – сегодня на его тарелке была глазунья и несколько зажаренных до хруста ломтиков бекона (Агатов ему приносил только «полезное»). Он с удовольствием уминал свой завтрак, когда поймал на себе неприязненный взгляд Алании. Кажется, она даже слегка поморщилась, поэтому Алекс, не выдержав, спросил:

– Что-то не так?

– Все нормально, – сухой тон, тот же раздражающий взгляд.

– Почему вы не можете общаться со мной нормально? – Алекс отложил вилку, чувствуя, что руки начало бить мелкой дрожью от злости. Так бывало всегда, когда он злился. – Я пытаюсь быть дружелюбным, но все время натываюсь, – он повел ладонью в сторону Алании, – на это! Думаете, я не замечаю ваших презрительных взглядов? Что вы со всеми вся такая приветливая и улыбочивая. Со всеми! Кроме меня, – он нервно усмехнулся. – Будто я прокаженный какой-то. Вы ведь можете отправить меня к другому лаборанту, просто скажите Агатову. Я бы вот с удовольствием перешел, уверен, что они не хуже вас надевают дурацкие шапочки и сидят рядом, пока испытуемый спит. Избавьте нас от неприятного общества друг друга, Алания, – он шумно выдохнул, – всем ведь станет только проще.

Он глубоко и рвано дышал после тирады. Алания выслушивала его, смотря терпеливо-снисходительно, даже мюсли свои отставила. Алекс уже давно не терял контроль над со-

бой, но она будто специально его вывела. Когда злость ушла, пришло сожаление: он не собирался говорить ей всего этого. Алания молча вернулась к трапезе, и это вызывало в Алексе новую волну злости, он открыл было рот, чтобы высказать все, что о ней думает, но она его опередила:

– Не будьте, – сухо бросила она.

– Что?

– Не будьте дружелюбным. Вы здесь не для того, чтобы...

Алекс не стал дослушивать окончание фразы, встал и направился к выходу. Как же она раздражала в тот момент!

Но сейчас, наблюдая за меняющимся городским пейзажем за окном автобуса, Алекс снова сожалел о сказанном. Он не любил терять контроль, а как контролировать – просто не знал. Но возникла идея, с чего бы он мог начать. Алекс открыл заметки на телефоне и стал набрасывать план сюжета – он должен контролировать хоть что-то.

Часть 9. Время

Он слышал за спиной тяжелое дыхание – зверь был близко. Алекс пытался ускориться, но тщетно: ноги ватные, переставляются будто в замедленной съемке. Зверь все ближе. Горячее дыхание коснулось затылка, пахнуло гнилью. Алекс обернулся, встретившись взглядом с пронзительно-смотрящими глазами доктора Агатова.

Он широко улыбнулся-оскалился, а после – кожа его щек лопнула, делая оскал шире, правильное лицо обрело черты волчьей морды. Алекс пытался закричать, но из горла вырвался лишь жалобный хрип. Агатов сомкнул челюсти на его шее, и Алекс проснулся, тяжело дыша.

– Алания, дорогая, езжайте, – в темноте слышно голос Агатова и тихие всхлипы, – я прослежу. Возьмите несколько выходных, я заполню все протоколы, вы изучите, как вернетесь.

– Не нужно, – голос как шелест, – это ведь мое исследование.

По приезду в лабораторию Алекс хотел извиниться перед Аланией за все, что наговорил за завтраком, но рядом все время кто-то был. Кажется, у лаборантки сегодня вообще день не задался, и Алекс чувствовал себя виноватым, что из-за него – с самого утра.

– Как ваш руководитель настаиваю, – тишина. – Ладно,

мы можем сказать испытуемым, что прервем исследование, возобновим, как все наладится.

Только не это. Не будет исследования – не будет и продолжения его истории. Он снова станет никем.

– Не наладится, – она едва сдерживалась, чтобы не заплакать навзрыд, – он умирает, я не успела! Ничего не успела сделать!

Алекс нахмурился. Алания продолжала кричать на Агатову шепотом (да, она могла орать шепотом). Дверь отворилась, и они вышли – видимо, продолжали разговор в коридоре, боясь его разбудить. Алекс лежал, пытался уснуть, но сон упрямялся приходить.

Спустя долгие минуты борьбы с собственным организмом, Алекс сдался и просто смотрел в потолок, ожидая, когда кто-то вернется. Дверь отворилась, в его сторону кто-то тихо прошел. Никакого удушливо-парфюмерного запаха – это была Алания. Он тихо прокашлялся, давая понять, что не спит. Сел на край кровати.

– Алания, с вами все хорошо?

В темноте он заметил, как девушка спешно вытирала щеки рукавом халата. Она шмыгнула и тихо сказала, что все в порядке. Села на стул рядом с его кроватью.

– Вам стоит спать, – привычно твердо-сухо сказала она.

– Не могу. Кошмар приснился, теперь сна ни в одном глазу.

– Могу дать снотворного, если желаете, – она поднялась,

но Алекс остановил ее, мягко взяв за руку, холодную и дрожащую. Алания села обратно, забрав ладонь из его рук.

– Поделитесь, станет легче.

– Знаете, зачем я вообще решилась на исследование? – Она рвано выдохнула. – Вообще-то, это было моей идеей, но организовать исследование такого масштаба без степени и на должности лаборанта почти невозможно. И, собственно, в перспективе я написала бы по ней работу... но не это суть. Я думаю, что если человечество получит доступ к ноосфере, оно получит и доступ ко всем знаниям мира, которые существуют и будут существовать.

– Доктор Агатов про это рассказывал, – кивнул Алекс.

– Там должны быть и знания, которые помогут излечить болезни, которые сейчас трудно поддаются лечению или не поддаются вовсе. Нужно только открыть доступ тем людям, которые смогут эти знания добыть и изложить здесь.

– У вас кто-то болен?

– Отец, – кивнула Алания, – я думала, у меня будет больше времени. Намного больше, – снова послышались всхлипы.

– Я уверен, у вас все получится, – Алекс не знал, что делать. Никогда не знал: как остановить женские слезы все еще было самым тайным из всех знаний. Но то, что плакала привычно безразличная и неэмоциональная Алания, еще сильнее усложняло ситуацию.

– Да к чему это все? – Алания снова перешла на ше-

пот-крик, – он умрет, а исследование так и не сдвинется с мертвой точки! Думаете, вы первая группа? Отнюдь. До вас были и другие, все они уходили, потому что не хотели тратить время на бесполезные эксперименты, которые не приносят результата, зато приносят побочки. Агатов настоял на увеличении размера вознаграждения для следующих групп, но даже это не помогло. Мы начинали эксперимент на докторах, чтобы не терять время, – она встала, нависнув над ним гарпией, – потом были научные деятели, но и на них – никакого результата. Мы даже проводили исследование на сотрудниках. И знаете что? Ничего!

«А мне Агатов сказал, что мы первопроходцы» – Алекс сжал челюсти.

– Но на мне же вышло... – неловко буркнул он.

– Вышло, – Алания рассмеялась, – это либо случайность, либо злая насмешка мироздания. Не получилось открыть доступ к сфере разума для тех, кто им обладает, зато вышло – бездарному писаке. Может, так оно работает? Доступ к разуму – тем, у кого его нет? Больше, что вы можете дать науке, Алекс, – это свое тело после смерти, – она тяжело дышала, продолжая шептать-орать на него, давилась слезами, – весь этот эксперимент не имеет смысла. Вся моя жизнь – не имеет смысла, потому что была положена на него. И вы...

Он сделал единственное, что пришло ему в голову, чтобы прервать ее тираду – поднялся и обнял ее, прижав к себе.

– ... не имеете смысла! – она заплакала навзрыд, уткнув-

шпись в плечо Алекса, и обхватила руками сзади, сжимая ткань его футболки. Она рыдала-стонала – как раненый зверь.

Алекс не знал, сколько они так простояли. Он неловко гладил ее по спине, пока безудержные рыдания не перешли в тихие всхлипы. Алания отпрянула, вытерла лицо рукавами халата.

– Извините за это, – буркнула она, – и спасибо, – слабо улыбнулась, подняв на него заплаканные глаза, и, будто опомнившись, качнула головой и прошла к столу.

Алания села за компьютер, просматривая фиксируемые показатели. В свете монитора можно было хорошо разглядеть ее лицо – лишившееся теперь своей бесцветности. На смену болезненной белизне кожи пришел розовый, а губы припухли, став больше и ярче. Алекс подавил смешок: как можно выглядеть лучше после бесконтрольных рыданий? Не женщина, а противоречие.

Алекс подумал о том, что это могло быть стать чертой для какого-нибудь персонажа. Может, даже для самой Селении? Показательно-холодная при общении, раскрывающая истинную эмоциональность только наедине, надломленная болезнью матери, но идущая к глобальной цели – изменить мир. Вероятно, даже смерть родного человека не смогла бы ее остановить. Сломил бы, да, но Селения определенно продолжила бы борьбу за свою идею. В его голове она становилась личностью, и Алекс наконец начал понимать, что долж-

но быть в книге: сюжет будто транслировался в его голову.

– Вас клонит в сон? – Алания бросила на него озадаченный взгляд.

– А? Нет, просто задумался, – буркнул Алекс. Образ пропал.

Алания подошла к нему, что-то проверила на аппаратах. Скрестила руки на груди, о чем-то задумавшись.

– Вы говорили о побочных эффектах, которые наблюдались у предыдущих испытуемых, – внезапно вспомнил Алекс.

– Они прописаны в условиях договора. А именно в отказе от претензий. Хотя вы ведь его не читали? – Она говорила, даже не оторвав взгляда от аппаратуры. – Его никто до конца не читает, но обычно на этот пункт все-таки обращают внимание. Агатов всегда говорит только об эффекте, пытается заразить испытуемых этой идеей, чтобы они горели ей так же, как мы. Делает так, что испытуемые и сами хотят добиться результата. И на фоне этого побочки кажутся мелочью. У вас уже начались проявления, Алекс.

– Я не заметил, чтобы что-то изменилось, – он хмыкнул.

– Вы сорвались на меня сегодня за завтраком. – Она наконец повернула на него голову, взглянув как-то печально. – Излишняя раздражительность – один из побочных эффектов.

– Извините за это, – вернул ей ее же слова извинения.

– Не стоит. Все нормально. Но проблема в том, что они на-

чались слишком рано. Потом эпизодическая раздражительность перерастет в постоянную нервозность. У части испытуемых отмечалась повышенная тревожность. Относительно безопасная продолжительность для исследуемых – семь-десять сеансов. Но мы не можем спрогнозировать, после какого именно начнется обратный эффект стимуляции. Наверняка вы заметили, что после проведенных здесь ночей вы лучше высыпаетесь, сил больше, повышается работоспособность.

– Пожалуй, – Алекс неуверенно кивнул, – обычно я всегда ложусь спать после обеда. Но последние два дня я бодр с самого пробуждения и до отхода ко сну.

– Если превысить количество сеансов, начнется повышенная утомляемость, апатия, сонливость. У некоторых испытуемых это перерастало в депрессивные эпизоды. По сути, мы заставляем мозг работать даже во сне, насильно повышаем его производительность. В какой-то момент он слишком устает. Нам нужно будет вывести вас из эксперимента до того, как это случится.

– Но ведь я пока единственный, на ком есть хоть какой-то результат?

– Так и есть. Мы попробовали воспроизвести ваш результат на других испытуемых – ничего не изменилось. Вероятно, это зависит от исходных показателей, и то, что сработало на вас, сработает только на человеке с аналогичной картиной. – Она снова прошла к компьютеру. – Нужно будет подбирать настройки для каждого испытуемого индивидуально,

и не факт, что мы уложимся в допустимое количество сеансов.

Алекс не нашелся, что ответить. Сколько времени у него есть: пять дней, неделя? Или его нет вовсе, раз уже проявляются побочные эффекты? В любом случае, он не хотел бросать, не добившись хоть какого-то внятного итога. Алания выглядела озадаченно. Сдастся ли она, оставит попытки? Почему-то он был уверен, что нет.

– Алания, кажется, у нас уходит слишком много времени на разговоры, – Алекс улегся обратно в постель, – давайте уже, включайте свою эту штуку и выясните, как моему мозгу это удастся.

Закрывая глаза, он видел, как Алания улыбается. Ему хотелось, чтобы у нее все получилось.

Часть 10. Инакомыслие

Он снова был Селенией. В воздухе стоял запах масла, жареного мяса и картошки. Ноги болезненно гудели. Голова раскалывалась, ужасно клонило в сон. Селения провела ладонями по лицу, чтобы прогнать сонливость. До конца смены осталось совсем немного.

– Сель, там посетители за шестым ушли, иди прибери, – неприятный женский голос зазвучал из соседнего помещения.

Селения взяла поднос и тряпку, направилась к шестому, параллельно отмечая, с каких столов может прихватить грязные тарелки. Вторая официантка отпросилась пораньше, и теперь Селении приходилось отдуваться за двоих. Хотя начальство обещало заплатить чуть больше, а сейчас любые деньги лишними не были.

Она уже отдала все свои скудные сбережения, чтобы обеспечить матери лечение, но состояние ее все еще оставалось стабильно-неудовлетворительным. В больнице пошли на встречу, позволили оформить кредит. Оплатить нужно было много – намного больше, чем могла бы заработать официантка забегаловки.

Десять дней без выходных давали о себе знать. После рабочего дня она едва переставляла ноги, топая к себе домой: на проезд решила не тратиться, идти не так уж далеко. Брас-

лет требовательно перемигивался желтым: нужно было натывать галочек для принятия коллективных решений.

Селения открыла уведомления, поморщилась, заметив сообщение: «Гражданка Селения Бронкс, спешим уведомить, что вы не участвовали в принятии коллективных решений в течение двух дней». Будто Селения об этом не знала. Она открыла список положений, выдвинутых на голосование: за эти дни их накопилось одиннадцать.

Нужна ли городу новая транспортная развязка? Селения понятия не имела: до того, как машина сломалась, она ездила лишь по маршруту дом – работа. Поставила галочку, выбрав «нет». Новый спортивный комплекс? У кого-то есть время, чтобы его посещать. У Селении его не было: «нет». Она прошла по остальным таким же бесполезным положениям. Неужели это не могут решать люди, которые в этом действительно разбираются? Откуда простому человеку знать, что должны изучать в научной лаборатории?

Селения остановилась на пункте, в котором предлагалось выбрать, чего не хватает городу. Не задумываясь, выбрала «Приют для животных». Не смогла сдержать стон негодования, когда увидела, что по предварительному голосованию побеждают торговые центры.

– Меня это тоже дико выбесило, – парень поравнялся с ней, кивнув на браслет.

Как долго он шел за ней? Что ему нужно? Селения запаниковала, и непрощенный собеседник это кажется заметил:

– Я не маньяк, – он поднял руки, тихо рассмеявшись, но продолжал идти рядом.

– Будь я маньяком, сказала бы так же, – Селения хмыкнула, немного расслабившись.

– Я Найл, – кивнул он и откинул небрежным движением руки упавшие на глаза светлые пряди волос.

– Селения.

– Тебе не кажется, что важность наших голосов в принятии решений – лишь иллюзия?

– Что ты имеешь ввиду? – Селения нахмурилась, слегка ускоряя шаг. Подобные разговоры были под запретом: не хватало еще, чтобы кто-то услышал.

– А то, что мы принимаем решения по какой-то ерунде. То, что действительно важно, решается без участия людей.

– Например? – Хмыкнула Селения.

– Например то, кому оплатить лечение из общего бюджета.

Селения резко остановилась. Следил за ней? Что ему нужно, черт бы его побрал? Первым порывом было развернуться и побежать обратно в кафе. Возможно, даже доложить об этом странном парне.

– Пожалуйста, выслушай, – Найл поднял руки, чтобы Селения их видела. Ее взгляд остановился на его глазах – пронзительно серых. В них читалось что-то, что заставило ее остаться на месте. – Предвещаая твои вопросы: да, немного следил. Я работаю в больнице. Видел, как приходила к ма-

тери, как упрашивала врачей, рассказывала, что матери не хватило всего трех лет, чтобы получить необходимые льготы для лечения. Навел справки. Взломал браслет.

– Что? – Селения изогнула бровь, подавляя в себе желание дать ему кулаком в нос.

– Ну, технически не я, конечно, – парень нахмурился. – Мой брат.

– И зачем же, позволь узнать? – Селения скрестила руки на груди.

– Давай не здесь, ладно? – Он улыбнулся. – Приходи завтра, адрес будет в твоих заметках в браслете. Напоминание высветится за час до встречи. Просто знай: ты не одна, кто хочет что-то изменить.

И он пошел в противоположную от Селении сторону, оставив ее стоять посреди улицы в недоумении. Это что только что было? Она потянулась к браслету: первой мыслью было написать донос в совет. Она бы сразу получила заслугу перед обществом за помощь в искоренении инакомыслия, смогла бы частично покрыть лечение матери.

Она уже нажала на экран, чтобы это сделать, и на нем появилось новое голосование: «Ремонт зданий на бульваре Свободы: да или нет?»

– Его полностью отремонтировали три года назад! – Прорычала Селения, нажимая на «Нет».

Что если действительно можно все изменить? Что если в ее силах помочь не только своей маме, но и всем матерям,

попавших в такую же ситуацию? Она набрала сообщение начальнице, что берет выходной: завтра у нее назначена важная встреча.

Алекс потянулся в кровати, протяжно выдохнул. Увиденное во сне стало очередным кусочком мозаики в истории. Мышцы саднило, а голова раскалывалась – будто он до сих пор был в теле Сель. Сел на кровати, морщась. Никого не было. Он сам снял все датчики и приборы, сложил аккуратно на место. Взял дневник наблюдений – принялся записывать увиденное и пережитое. Голову начинало отпускать, будто он медленно возвращался в собственное тело. Написал и об этом.

В кабинет вошла Алания, одарила его улыбкой. От этой улыбки стало не по себе. Ночной разговор на нее так подействовал? Стена между ними рухнула? Что произошло вообще?

– Ты уже проснулся, отлично, – кивнула она. – Запиши еще, о чем ты думал ночью. Ну, тогда, когда я за компьютером сидела.

– Да я и не знаю, – буркнул Алекс, – как обычно задумался.

– Тебе надо это почаще делать. Ну, задумываться. Просто запиши. Пожалуйста. Это может быть очень важно.

Алекс отметил, что она перестала обращаться к нему на «вы». Стоит ли ему тоже? Или это просто из-за ее странно-возбужденного состояния?

– Как ваш отец? – Алекс решил пока продолжать так, как привык.

– Ему лучше, состояние стабилизировалось, – Алания кивнула. – Еще раз извини за все, что наговорила. Я была не в себе, когда узнала, что он в реанимации.

И все же на «ты». Алекс улыбнулся, уткнувшись в дневник.

– Ничего, я все понимаю.

– Хорошо, – она слабо улыбнулась. – До вечера, Алекс, постарайтесь не опаздывать, – и вышла, оставив его одного.

И снова на «вы». Алекс вздохнул и описал, о чем думал в тот момент. Естественно, опустив подробности о том, что толчком к этим мыслям стала заплаканная Алания. Закончив, он оставил дневник на столе.

Есть сейчас не хотелось. Алекс принял решение пропустить завтрак и сразу отправиться домой: у него было много материала, который нужно было написать.

Часть 11. Оппозиция

Феликс уютно устроился на коленях Алекса, свернувшись клубком. Мужчина отпил уже давно остывшего чая, убрал упавшие на лоб волосы, все еще слегка влажные после душа, другой рукой продолжая набирать текст. Он описал сцену, увиденную во сне, даже не заметив, как перешел к следующей: слова продолжали приходить, стелились упорядоченным потоком в документе. Феликс спрыгнул с коленей, и Алекс подобрал ноги под себя, даже не отвлекшись на то, что «соавтор» куда-то ушел. Он продолжал писать – лишь история сейчас имела значение.

Селения сидела на кровати, взглядом гипнотизируя браслет. Она переделала весь список домашних дел, просмотрела выпуск новостей, даже поучаствовала в сегодняшнем принятии коллективных решений. Браслет молчал. Парень не сказал ей даже примерного времени и места, где будет проходить встреча. Это нервировало: ожидание – одна из тех вещей, которые Сель терпеть не могла.

Она растерла руками лицо, чтобы прогнать навалившуюся сонливость. На всякий случай она проснулась пораньше, чтобы не пропустить уведомление. Но время близилось к вечеру, а никаких известий от незнакомца не было. Может, передумал? Или это какая-то проверка, чтобы узнать, не сдаст ли она его совету?

Селения решила собраться: даже если встречи не будет – хотя бы прогуляется. Натянула джинсы, которые сейчас были велики в талии, затянула покрепче ремнем. Последнее время приемы пищи были чем-то настолько мешающим, что она про них попросту забывала. Толстовку надела прямо поверх домашней футболки. В очередной раз бросила взгляд на браслет – ничего нового, – и вышла из дома.

На улице было прохладно после дождя. Солнце светило ярко, заставляя асфальт искриться в его лучах. Шумно втянула воздух – влажный, пахнувший прибитой пылью и землей. Этот запах был так же прекрасен, как запах свежей штукатурки: рот против воли наполнился слюной.

Она вспомнила, как в школе, выходя к доске, незаметно для учителей грызла мел. От этого воспоминания под языком начало тянуть: хотелось до тошноты. Мама, узнав об этом странном пристрастии, сказала, что это может быть из-за дефицита кальция и при анемии. Но чтобы проверить это, средств не хватало. А сейчас Селения придерживалась позиции: не обращаться к врачам, пока не заболит.

Она сосредоточилась на шагах, чтобы не думать о навязчивом желании попробовать асфальт. Сегодня утром, позвонив в больницу, она услышала заветное «Ей стало лучше». Хотя в себя мама по-прежнему не приходила. В голове мелькнула мысль, что Найл мог бы помочь, раз работает в больнице. Браслет издал писк-напоминание.

«Кафе «Вкус формы», спросить у бармена Грача». Се-

ления состроила гримасу, прочитав оповещение. Если прислал, как и обещал, за час до встречи, ему придется ее ждать. Она направилась в сторону остановки, думая, что полчаса ожидания – ничто в сравнении с целым днем.

Вывеска кафе перемигивалась неонам в сгущающихся сумерках. Селения прибавила шагу: опоздала всего на десять минут. Внутри было еще темнее, чем на улице: полумрак рассеивался только над столиками. Лампы с широкими плафонами оставляли на дереве лужицы бледно-желтого света. Из посетителей – лишь парочка в углу зала.

Она прошла к барной стойке, над которой располагался ряд маленьких, почти не дающих света ламп. Бармен поприветствовал ее, не отрываясь от своего занятия – заполнения каких-то бумажек.

– Мне нужен Грач, – опершись локтями на стойку, сказала Селения.

Бармен поднял взгляд, в котором на мгновение промелькнула тревога, кивнул. Молча указал на дверь за стойкой и вернулся к своему занятию. Селения чувствовала, как в ней перемешивается волнение наравне с раздражением. Потянула за дверь, и в глаза ударил яркий свет. Прищурилась, нервно выдохнув. Вниз тянулась лестница, упиралась в стену, скрывалась за поворотом. На светлом дереве – совсем свежие следы грязи: кто-то недавно пришел с улицы.

– Логово в подвале общественного заведения, – пробурчала Селения, спускаясь, – не нашлось чего-то еще банальнее?

Наверняка еще есть какой-то загородный дом, – продолжала она бурчать, преодолев первый пролет, – или какая-нибудь древняя квартира, гордо именуемая штабом.

Развернувшись на следующем пролете, Селения обнаружила, что лестница заканчивалась через несколько ступеней. Девушка встала, окидывая взглядом большое светлое помещение, в середине которого полукругом лежали кресла-мешки, сбоку у стены стояла маркерная доска, исписанная чьим-то плохо разборчивым почерком.

– Будешь смеяться, – из-за угла вышел Найл, – но дом и правда есть. А штаб-квартирой мы именуем вот это, – он широко улыбнулся, обводя рукой помещение.

Селения хмыкнула, проходя в комнату.

– Разуйся, а то грязи натащишь, – он указал на небольшую этажерку для обуви, на которой стояло две пары обуви. Селения послушно сняла ботинки, пристроив их на полочку.

– Здесь есть кто-то еще? – Селения взглядом указала на этажерку.

– Мой брат, Адам, – Найл кивнул и пару раз стукнул кулаком по не приметной двери, рядом с которой стоял. Послышалась брань и возня. – Садись, он сейчас выйдет.

Селения села в кресло, которое поглотило ее тело своей податливой мягкостью. Найл устроился в соседнем. Наверное, любая девушка, обладающая инстинктом самосохранения, сейчас бы сбежала: в закрытом подвале с двумя парнями, при этом никто из знакомых понятия не имел, где она

сейчас находится. Случись что-то – ее бы никогда не нашли. Но Селения, вопреки здравому смыслу, была спокойна.

Она рассматривала сидящего перед ней Найла – непропорционально длинноногого, высокого. Лицо слишком гладкое, будто ему даже бриться не приходится, чтобы эту гладкость поддерживать. Сколько ему лет? На вид – около двадцати пяти, может, даже меньше. И уже подался против установленных порядков? Селения не смогла сдержать усмешки, чем привлекла внимание парня, который до этого задумчиво смотрел на исписанную доску.

– Есть, что сказать? – Он криво улыбнулся.

– Вообще-то, я думала, что тебе есть, раз позвал меня сюда.

Найл тяжело вздохнул и прокричал в сторону двери:

– Адам, давай быстрее, – пробурчал, понизив голос, – хоть бы раз поторопился.

Дверь отворилась, и появился недовольный Адам – такой же высокий и непропорциональный, длинные темные волосы собраны в неаккуратный хвост. Он прошел и плюхнулся на кресло напротив Селении и Найла, окинул обоих странным взглядом с прищуром. Глаза – такие же серые, как у брата, но взгляд тяжелый.

– Добрый вечер, – голос неожиданно низкий, даже приятный.

– Как ты уже поняла, мы что-то вроде... – Найл перевел на нее взгляд, замялся, – оппозиции. Вообще все начиналось

с того, что мы были активной группой, работа которой была направлена на улучшение жизни общества.

– Не бойтесь такое рассказывать первой встречной? – Селения хмыкнула, глянув на братьев. Никаких эмоций на лицах.

– Не боимся, – ответил Адам, – если ты решишь написать донос, в чем я сомневаюсь, то мы об этом узнаем сразу. Так что успеем уйти.

– Да и к тому же сегодня здесь только мы, – добавил Найл, – с остальными ты познакомишься лишь тогда, когда мы будем полностью уверены.

– Так, – Селения улыбнулась, – и в чем же идейная цель вашей так называемой оппозиции?

– Ты вообще в курсе, как положения выводятся на голосования? – Спросил Найл, и Селения замотала головой. – Нужно подготовить проект предложения, описать цели и задачи, а после – набрать сотню подписей. Если все соответствует правилам и подписи собраны, совет выводит положение на общее голосование. По крайней мере, так оно должно работать.

– И в чем проблема? – Селения нахмурилась, начав хрустеть суставами пальцев: дурная привычка, которая помогала успокоить нервы.

– Проблема в том, что на этап голосования вышли лишь два положения из двух десятков, – Найл усмехнулся, – новая школа на окраине и ремонт исторического здания – памят-

ника культуры в центре. А вот такие положения, как бесплатная медицина для всех граждан, льгота на налоги для малоимущих, поддержка семей в тяжелом положении, например, потерявших имущество при пожаре – не вышли. Мы связались со знакомым, который отвечал за проверку положений в совете – все они были подготовлены по правилам, проверку пошли. Но на этап общего голосования их так и не выдвинули.

– Тогда мы начали разбираться, – Адам склонил голову на бок, рассматривая Селению, – я смог взломать браслет одного из членов совета. Ты знала, что пресловутые заслуги перед обществом можно просто купить? Хочешь полностью бесплатную медицину и проезд, льготный доступ к сети, урезанные налоги на доход, судебную неприкосновенность – заплати кругленькую сумму и все будет. На тех, кто может себе это позволить, не распространяется закон.

Селения сжала кулаки, чувствуя, как ногти больно впиваются в кожу ладоней. Она предполагала, что в их обществе, где все были равны и голос каждого – важен, все совсем не так, как кажется на первый взгляд. Но правда оказалась намного хуже любых предположений.

– И чем я могу помочь? – Селения выдавила улыбку, – простая официантка с огромным долгом за лечение? У меня нет ни выдающегося интеллекта, ни ресурсов. Ничего.

– Доступ к обычным людям, – сказал Найл, – к тем, которые могут позволить себе только скромный обед в забега-

ловке.

– И ты предлагаешь мне... что?

Алекс вздрогнул от вибрации телефона – будто вынырнул на поверхность из-под толщи воды. Мозг отказывался сообщать, почему его вырвали из фантазии, противился. Алекс провел ладонью по лицу, выругался, отвечая на звонок.

– Алекс, вы уже давно должны быть в лаборатории, – голос Агатова, впервые – раздраженный.

– Выезжаю, – сухо сказал Алекс и сбросил звонок.

Он окинул печальным взглядом написанное. Он знал! буквально только что он знал, что должно было произойти дальше! Но все исчезло из-за треклятого доктора! Кружка с остатками чая полетела в стену, рассыпаясь осколками по полу, брызгами – по стене. Алекс сохранил написанное и выдвинулся в лабораторию – даже переодеться не стал.

Часть 12. Цвет надежды

Пока он ехал, смотря в окно на привычно серый город, он злился. Всю дорогу нервно сжимал челюсти до боли в зубах. Злился и когда поднимался на лифте на этаж лаборатории, и когда проходил стойку администратора.

– Алекс, я кажется поняла, – в него чуть не влетела Алания, улыбалась, – мы все это время обращали внимание совсем не на то.

Злость отступила. Алекс выдохнул, улыбнулся в ответ.

– И тебе привет, – они двинулись в сторону лаборатории.

– Сегодня проверим, и если предположение верное, то...

– Алания выдохнула, – не буду загадывать.

Едва дверь третьей лаборатории открылась, в нос ударил стойкий аромат Агатова. Он сидел за столом, читая дневник Алекса и делая пометки в рядом лежащих бумагах.

– О, наконец-то наш ценный испытуемый прибыл, – доктор широко улыбнулся.

Алекс изобразил подобие улыбки и кивнул в знак приветствия.

– Мы готовы начать? – Спросил то ли у Алекса, то ли у Алании. – Вы ужинали, Алекс?

Алекс мотнул головой. Доктор был бы в бешенстве, если бы узнал, что он не только не ужинал, но и не обедал. И завтрак пропустил. Все, что было в его сегодняшнем рационе

– с десяток кружек чая и печенье. Агатов нервно выдохнул, что-то набрал в телефоне, буркнул, что сейчас что-нибудь принесут.

Алекс сел на край кровати. Окинул себя взглядом, вспомнив, что приехал сюда в чем был – в домашних штанах и растянутой футболке. Подвернул край футболки вовнутрь, чтобы скрыть небольшую дырку, оставленную Феликсом.

Алания о чем-то говорила с Агатовым – оживленно. Она сейчас в принципе выглядела такой живой, более... цветной. Будто это была совсем не та Алания, с которой он познакомился несколько дней назад. Кажется, ее образ окрасила надежда: она читалась во взгляде, в ее эмоциях, мимике. Появилась даже жестикуляция.

– Алания, вы говорили, что вы что-то поняли, – привлек к себе внимание Алекс, – поделитесь?

– Вы вряд ли что-то разберете, но в общих чертах – да, – кивнула девушка. – Помните, я просила вас записать, о чем вы думали? В тот момент я заметила изменения тета-волн, тех, что преобладают во время фазы сновидений и при медитации. Я сравнила их с теми, что были во время сна с удачно полученным доступом – они практически идентичны.

В дверь постучали, и вошла работница, принесшая на подносе ужин. Алания перехватила его, поставила на небольшой столик на колесах и подвинула к Алексу. Пока он расправлялся с легким ужином, Алания продолжала:

– Мы не выделяли их, потому что считали, что достаточно

просто держать активность с большим процентом тета-волн, корректировали дельта, чтобы не дать мозгу погрузиться в глубокий сон без сновидений. Думали, что дело именно в них, в дельта, регулировали их процент. Мы предполагаем, что дело все же в определенной частоте тета-волн, а не просто в состоянии поверхностного сна. Сегодня попробуем подтвердить это предположение на других испытуемых.

– А как-то влияет их частота на то, смотрю я как сторонний наблюдатель или являюсь участником? – Алекс из объяснений Алании понял чуть больше, чем ничего, но решил поддержать беседу.

– Полагаю, что да. Но, как я говорила, мы воздействовали на дельта-волны, поэтому нужные частоты по итогу разнились. Думаю, у вас просто есть склонность погружаться в это состояние, поэтому так или иначе срабатывало во всех случаях.

– Попробуйте воспроизвести так, чтобы сегодня я был участником, – задумчиво произнес Алекс.

– Хорошо, – кивнула Алания, – но, знаете, Алекс, если у нас получится... когда у нас получится, вам больше не нужно будет приезжать сюда. Дальнейшая стимуляция может привести к побочным эффектам.

Алекс молча жевал рис с овощами. Ему не хотелось рассказывать, что сегодня он писал в этом самом состоянии подключения к ноосфере. Когда все закончится, он снова станет просто Алексом, а не «ценным испытуемым». Он пере-

вел взгляд на Аланию, она будто светилась. Ему было тяжело принять тот факт, что это, возможно, последняя ночь, когда он видит ее такой – идеально цветной.

Часть 13. Горечь победы

Руки предательски дрожали, пока она вводила сумму счета на своем браслете. Протянула руку, и клиентка – милостивая девушка около двадцати лет, – приложила свой браслет для оплаты. Селения смотрела в окно на проходящих мимо людей – вероятно, следующих клиентов кафе. С облегчением выдохнула, когда они прошли мимо. Аппарат издал подтверждающий писк.

– Хорошего дня, приходите еще, – улыбнулась Селения, пряча неумно дрожащие руки за спину.

– И вам хорошего дня, – улыбнулась клиентка в ответ и ушла.

Селения спешно прибралась на столе и зашла в подсобку – в это время кафе обычно пустовало. Набрала сообщение Адаму, задержала дыхание. Выдохнула, когда получила ответное: «Все отлично, данные у нас». Вот и все, теперь она – официально преступница. И теперь на следующей встрече она познакомится с остальными такими же преступниками.

Благодаря ей Адам получил доступ ко всем данным этой девушки: а ведь она даже чаевые попросила в счет включить. Селения нервно прохрустела суставами пальцев. Соучастница. Сколько там дают за распространение вирусного ПО? А за сбор данных? В любом случае, теперь она не может донести на них, потому что сама – часть этой... группы. Селения

спрашивала о том, зачем это нужно и что даст, но ей не ответили – не доверяли. Доверятся ли теперь?

– Селения, – в дверь забарабанили, – за отсидку в подсобке денег не плачу, давай выходи.

Она оправила фартук, поправила волосы, вдохнула-выдохнула, чтобы успокоиться, и вышла. Кафе по-прежнему пустовало. Селения оперлась о стойку, чтобы видеть, если кто-то зайдет. Мысленно отправляла запросы во Вселенную, чтобы никто не пришел. Хотя, вероятно, к концу смены у Адама будет около сотни данных.

Колокольчик над дверью звякнул, оповестив о приходе нового клиента. Селения взяла меню со стойки, едва не подпрыгнула, встретившись взглядами с Лили.

– О, сегодня твоя смена! – Подруга как всегда широко улыбалась, – пусто так. Поболтать, наверное, даже сможем, да?

Она щебетала, почти вприпрыжку направляясь к столику у окна. Селения натянула улыбку, подошла к ней, положив меню.

– Да в общем-то сейчас почти всегда моя смена, – Селения усмехнулась.

– О, поэтому ты звонить перестала? – Лили по-детски надула губы, придвигая к себе хлипкое меню.

– У нас всего два перерыва по полчаса, – кивнула Сель. Огляделась, чтобы удостовериться, что начальница ее не видит, присела напротив подруги.

– Как мама?

– Стабильно, но в сознание не приходит. Врачи опасаются давать прогнозы, но пока состояние удовлетворительное.

– Ну это же хорошо? Лучше, чем было?

– Да, – улыбнулась, спросила, желая быстрее уйти от этой темы, – а у тебя как дела?

– Думала ты не спросишь, – Лили прикусила губу, сдерживая улыбку.

И дальше последовал краткий, но весьма красочный рассказ о ее новом парне. У кого-то было время даже на такие вещи, как отношения. Селения слушала вполуха, периодически поглядывая в сторону кабинета начальницы.

– Наверное, я должна что-то заказать, да? – Прервалась Лили, – тут есть что-то, что не готовится во фритюре? О, нашла, – она ткнула на салат, – вот это и молочный коктейль с клубникой.

– Салат с картофелем пай, – хихикнула Селения, – который готовится во фритюре.

– Это самое здоровое из всего, что у вас есть, – Лили хмыкнула, закатив глаза.

Селения записала заказ, унесла его на кухню и вернулась к подруге. Лили заерзала на диванчике, как-то по-хитрому улыбнувшись.

– Ну а у тебя? Неужели ледяная леди никого не нашла?

– Да я же все время на работе, – Сель вздохнула. Лили спрашивала об этом всегда, если они долго не выходили на

связь. Вероятно, думала, что в этом причина, что у Селении нет времени на общение с ней.

– Ну, ты рассказывала, что у вас все повара – парни, – Лили улыбнулась, прищурившись.

– Так и вижу себя в объятиях сального Джека.

Девушки рассмеялись. Притихли, когда с кухни прокричали, что заказ готов. В кафе вошли новые клиенты, и у Сель больше не было возможности болтать с Лили. После оплаты Адам получит доступ и к ее данным – от этого на душе было паршиво.

– Алекс, просыпайтесь, – женский голос: незнакомый, неправильный, звучащий будто ниоткуда и отовсюду одновременно.

Селения продолжала работать. Прислушалась – лишь тихие переговоры клиентов, пришедших в кафе на обед, шум машин за окном, возня на кухне. Показалось?

– Алекс... – будто шелест.

Браслет издал писк, подтверждая, что оплата прошла успешно. «А с ней и данные»: грустно усмехнулась про себя Селения. Лили попрощалась, обещая, что зайдет на днях.

Селения провалилась в темноту. Чувствовала, как болят ноги, как мелкая дрожь проходит по рукам. Запах: необычный, странный. Чей-то парфюм? Приятный. В Полярисе парфюмом пользовались лишь те, кто мог себе его позволить: состоятельные граждане, члены совета...

– Алекс, наконец-то, – Алания склонилась над ним, смот-

рела взволнованно, – уже почти полдень.

Тело болело так, будто он всю ночь работал. Возможно, потому что так оно и было? Он нехотя сел, и Алания принялась снимать с него датчики.

– У нас получилось, – Алекс перевел взгляд в сторону голоса. Агатов улыбался – победно.

До Алекса не сразу дошел смысл его слов. Он растер ладонями лицо, прогоняя остатки сонливости, буркнул:

– Я рад, – только в голосе радости не было. Больше он им был не нужен.

– Теперь предстоит организация более масштабного исследования, – Алания улыбалась, но в ее голосе тоже не было ни капли радости, даже облегчения.

– Я могу больше не приезжать? – Снова посмотрел на Агатова, тот кивнул.

– Вам уже рассчитали вознаграждение, подойдете к стойке администрации. Я пойду подготовлю бумаги, – он двинулся к выходу. – До вечера, Алания.

– До вечера, – буркнула та, садясь на стул рядом с кроватью.

– Почему мне кажется, что вы расстроены? – Алекс усмехнулся.

– Просто устала, – она натянуто улыбнулась, – с чего бы мне расстраиваться? Мы работали над этим несколько лет, и вот наконец-то пришли к какому-то результату.

– Знаете, у меня такое бывает довольно часто, – Алекс от-

кинул голову, прикрыл глаза, – когда ты идешь к цели, тебя это так зажигает. . . но, когда ты ее достигаешь, остается лишь пустота и непонимание, что делать дальше. Краткосрочная радость сменяется апатией: теперь тебе нужна цель пожирнее, чтобы получить нужную дозу удовольствия. И ты просто в ступоре из-за того, что нет подходящей. – Он открыл глаза, взглянув на Аланию, – и ты так и бродишь без цели и смысла.

– Потому что боишься, что прошлый успех был вершиной того, на что ты способен, – буркнула Алания.

– Но ваша цель ведь еще не достигнута, правда? Еще есть, к чему стремиться и ради чего жить.

– Вы правы, – Алания поднялась, – мне нужно отдохнуть, вечером снова сюда возвращаться. Не забудьте заполнить дневник перед уходом.

– Это было весело, – Алекс улыбнулся, – надеюсь, скоро во всех новостях прочитаю о том, чего добились доктор Алания Форакс.

Она улыбнулась и вышла, ничего не ответив. Алекс был рад, что не пришлось прощаться: это была одна из тех вещей, которые он делать не умел. Он привычно записал все увиденное в дневнике, перечитал написанное. Замер, не решаясь закрыть. Немного подумал. С последней страницы оторвал небольшой кусочек бумаги, записал свой номер и положил закладкой между страниц. Вероятно, если бы она захотела, она бы и без этого его номер узнала. Но так Алания будет знать, что он хочет поддерживать связь.

Его роль здесь была завершена. Страх быть бесполезным не оправдался, напротив, благодаря нему исследование продвинулось. Он был «ценным испытуемым». Но почему-то во рту был привкус горечи.

Часть 14. В жизни

В парке спокойно: пересвистываются птицы, шумят деревья, тихо разговаривают мимо проходящие люди. Селения подставила лицо теплым солнечным лучам. Выходной – впервые за многие дни.

– Твою машину, кстати, починили, – Адам казался каким-то чужеродным в этой яркости летнего дня.

– Спасибо, – Селения улыбнулась, – честно, не знаю, когда бы сама этим занялась.

– Обращайся, – Адам задумчиво наблюдал за стайкой воробьев, которые что-то клевали на асфальтовой дорожке.

– От Найла какие новости?

– Пока все спокойно, собирает людей. Когда все получится, мы сможем все изменить.

– Не если, именно когда? – Селения усмехнулась.

– Мы устроим такой шум, что это нельзя будет игнорировать, – он пожал плечами.

– Мне даже не рассказываете, – она скрестила руки на груди, – вообще-то именно благодаря мне вы нашли тех, кто разделяет ваши идеи.

– Наши, Сель, – Адам хмыкнул, – все не привыкнешь? А тебе не рассказываем, потому что небезопасно. Кстати, смотри, – он покопался в сумке, достал яркую листовку, протянул Селении – недавно Фел сделал.

– Как старомодно, – она усмехнулась, пробежалась взглядом по тексту, – неужели сейчас кто-то еще пользуется таким способом распространения информации?

– Нам нужно будет успеть раздать как можно больше. Если навести скан браслета на код, откроется сайт с информацией, которую мы собирали все это время, – он одарил ее снисходительным взглядом, заметив, что она пытается перейти по коду, – сейчас доступа нет. Сайт, вероятно, закроют сразу же, как узнают о нем. Поэтому я запущу его тогда, когда будет не до него.

– Ты же говорил, что небезопасно мне это знать? – Сель прищурилась.

– А ты всего и не будешь знать, – он улыбнулся, – но мы либо изменим все, либо...

– Не продолжай, – Селения сжала его ладонь, – у вас получится, – исправилась, поймав на себе его недовольный взгляд, – у нас получится.

Алекс прикрыл глаза. Сейчас, когда ему не нужно было ездить в лабораторию, он писал почти всю ночь. И именно ночью это выходило лучше всего, быстрее, будто мозг привык открывать ему доступ в это время. Но организм сопротивлялся работе в ночную смену, глаза болели, отказываясь смотреть на монитор.

Он сдался, поплелся к кровати и рухнул на нее. Уже третьи сутки, как он стал просто Алексом. Никаких датчиков, стимуляции, доктора и Алании. Она не звонила ни разу за

все эти дни. Он дергался, стоило телефону завибрировать, но каждый раз нарывался на спам. Никакой Алании... и снов никаких. Он просто закрывал глаза ночью и открывал их к обеду. Сон – самое бесполезное занятие.

Он уже знал, чем все закончится в романе, и концовка ему решительно не нравилась. Все, включая Селению, должны были погибнуть за свою идею. Эта история должна была бы показать ничтожность человека в борьбе против устоявшейся системы. История, которая давала бы читателю надежду, что все можно изменить, а потом – разрушала бы ее, растаптывала, смешивая с грязью реальности.

Алекс протяжно выдохнул. Вероятно, раньше он бы без раздумий закончил роман именно так: канонично. Но он был Селенией, жил ее жизнью, чувствовал то, что чувствовала она.

Ему не нравились истории со счастливым концом, где все хорошо, а зло побеждено. Потому что в жизни добро не побеждает. В жизни не придет добрый волшебник, не даст великий артефакт, с помощью которого можно спасти мир – конечно же, в одиночку. Никто не придет на крики твоей матери, пока ее избивает отчим. В жизни все посмотрят с сочувствием, когда ее тело будут выносить из дома, и подумают: «Хорошо, что не со мной». Алекс почувствовал, как к вискам стекает горячая слеза. Никто не пришел.

Часть 15. Блинчики

Он сидел и смотрел в монитор. Ему не хотелось продолжать. К чему вообще это все? Может, будет так же, как с Аланией? Едва он достигнет цели – закончит роман, – придет лишь пустота и разочарование. Может, не всем историям нужно заканчиваться?

Но в голове свербило. Он целый день слонялся по квартире, а в голове звучали обрывки фраз, сказанных Селенией. Стоило прикрыть глаза, он видел загородный дом, в котором она встретила с Найлом и Адамом. Собственный мозг изводил его, не давал сосредоточиться ни на чем другом.

Ему даже написал заказчик, который пришел в восторг от присланной работы, попросил написать еще один текст для сайта. Но Алекс не мог – его сознание противилось даже мысли о том, чтобы отвлечься на что-то иное, кроме романа. И он просто сидел, перебирая пальцами шерсть кота, что устроился на коленях, и перечитывал последнюю написанную сцену.

Лили позвонила утром, разбудив ее. Селения села на кровати, поморщилась, увидев, что сейчас только десять утра. И что ей понадобилось в ее выходной? После похорон матери она перестала брать дополнительные смены. Найл обещал помочь с закрытием долга: больше работать сверхурочно нужды не было. Зато в отдыхе нужда определенно была.

Браслет не унимался, и Сель приняла входящий.

– Лили, что случилось? – Устало пробормотала она.

– Сель, – на другом конце слышались всхлипы, – я могу приехать?

Он прикрыла глаза. Только этого сейчас не хватало.

– Мне очень нужно поговорить, – жалобно пролепетала

Лили, – мне так плохо...

– Ладно, – буркнула Селения.

– Буду через пять минут, – Лили оборвала связь.

Пять минут? Лили знала, что она не сможет ей отказать?

Селения встала, спешно умылась и привела себя в более-менее приличный вид. Лили была пунктуальна: прошло действительно не больше пяти минут, когда в дверь постучали.

На пороге стояла заплаканная подруга. В растянутой футболке и домашних штанах, с нелепым пучком на голове: будто пришла в чем была, только тапочек домашних не хватало. Селения впустила ее в дом.

– Рассказывай, – удрученно вздохнула, налив Лили стакан воды.

– Он меня бросил, – после этой фразы потоки слез усилились, – помнишь, да, я рассказывала про того парня... – она отпила воды, – он бросил меня.

Селения чуть было не сказала: «Мне бы твои проблемы», но сдержалась. Для Лили каждый разрыв был концом света и неизменно заканчивался клятвами, что больше никогда она не заведет отношений, потому что это была любовь всей ее

жизни. Как правило, вечная любовь длилась не больше месяца – пока не появлялся новый ухажер. Селения налила еще один стакан воды и предложила переместиться в спальню: в отличие от Лили ей хотелось сменить домашнюю одежду на что-то другое.

– И вот представляешь, все шло так хорошо, – Лили всхлипывала, вытирая слезы руками, периодически отпивала воду, – а потом я узнала, что у него есть другая. Точнее, другой была я! У этого мерзавца уже была подруга.

Селения участливо кивала головой, перебирая вещи.

– Я узнала об этом случайно, когда она ему утром позволила, – еще немного, и Лили начала бы рыдать в голос, – а когда я начала спрашивать, он сказал, что ему не нужна такая... – она сморщилась, – проблемная. Я проблемная, представляешь?

Селения снова кивнула, поддакивая:

– Все парни мерзавцы, Лили, – сказала Селения, натягивая джинсы, – но я уверена, что тебе все же встретится исключение.

– Мне бы твою уверенность, – Лили снова всхлипнула, – у тебя есть салфетки?

– В ящике посмотри, – Сель махнула рукой на стол, продолжила прочесывать спутавшиеся после сна волосы.

Лили замолчала, несколько мгновений смотрела в ящик, взяла салфетки, тут же принявшись вытирать мокрое лицо.

– Знаешь, мне полегчало, – ее голос стал спокойнее, – спа-

сибо, что выслушала.

– Ты всегда можешь прийти ко мне, если нужно, – кивнула Селения, подсаживаясь к подруге, – я поддержу.

– Спасибо, – Лили натянуто улыбнулась и слегка сжала ее ладонь. – Наверное, мне пора. Ты собираешься куда-то?

– Ну, думала прогуляться. Хочешь со мной?

– Нет, – Лили замотала головой, – пожалуй, я все же пойду домой. Посмотрю каких-нибудь фильмов о любви, съем мороженое. Тогда окончательно полегчает.

– Хороший план, – Селения улыбнулась, помогая подруге подняться.

Облегченно выдохнула, когда Лили ушла, и направилась на кухню сделать себе какой-нибудь завтрак. Выбор пал на хлопья с молоком – на большее не было ни сил, ни желания. Когда у нее гостила мама, Сель готовила блинчики, щедро поливала их джемом. Выходили они неважно, но мама всегда хвалила. Она в принципе всегда ее хвалила, поддерживала, была на ее стороне – даже когда знала, что Селения неправа. Больше некому было готовить блинчики. В горле встал ком. Всем людям в мире можно было найти замену. Кроме нее.

Она ела хлопья с соленым привкусом собственных слез, когда на браслет пришло сообщение от Адама. Сердце пропустило удар: «На тебя донесли, Сель. Уезжай из дома. Сейчас же». По телу прошла волна мурашек, когда она поняла, что бросила листовку в ящик стола. И забыла о ней. Теперь даже есть блинчики стало не с кем.

Часть 16. Тошнота

Алекс смахнул непрошенные слезы. Когда он писал о матери Селении, это было и о его матери. Той, для которой он всегда был целым миром, которая поддерживала, даже когда знала, что он не прав. Но после ее смерти он перестал быть миром, он стал никем – очередной несчастной сироткой. В этих строках он увековечил память о ней. Может, в этом был смысл? Чтобы дать близким людям место в вечности – хотя бы на страницах своей истории?

Он прошелся по следующей сцене – той самой, которую видел во вторую ночь в лаборатории. Все сошлось, он нашел этот путь между приснившимися фрагментами – будто история и правда уже жила в его голове. Или в ноосфере?

Он не решался продолжить. Бессмысленно. Все, что он делал в своей жизни не имело смысла. И в этом романе – тоже не было смысла. Может, стоит на этом и закончить? Любой знакомый, который узнавал о том, чем он занимается, лишь снисходительно качал головой, говоря, что ему стоило бы найти нормальную работу, а не сидеть дома и строчить тексты (его работы на заказ они нормальной работой не считали). Хотя его рассказы все же читали, а большая часть комментариев, оставленных на сайтах самиздата, были положительными. Но все же... что дальше?

Мозг будто разрывало изнутри. Тошнота. Вот, с чем мож-

но было бы сравнить это ощущение: когда что-то хочет выплеснуться, вырваться из плена черепной коробки. Он занес руки над клавиатурой. Пусть это не имело смысла, пусть эта история никогда не найдет читателя. Он писал, потому что просто не мог не писать.

Селения протерла стул от пыли и села. Найл и Адам приехали почти сразу после нее и теперь смотрели на девушку двумя парами недовольных глаз. Селения осматривала устаревшее убранство дома, вывела грустный смайлик на пыли, толстым слоем которой была покрыта лакированная деревянная столешница – что угодно, лишь бы не встречаться с ними взглядом.

– Ты была неаккуратна, – выдавил Адам. В его обычно приятном низком голосе сквозило раздражение. – Как твоя подружка узнала обо всем?

– Не надо было мне давать ту листовку, – буркнула Селения, скрестив руки на груди.

– В следующий раз, когда будем затевать дело, повесишь на дом баннер? – Адам повторил движение за ней. – Хорошо, что у нас был доступ к ее данным, иначе за тобой бы уже пришли.

– Ничего страшного не случилось, – вмешался Найл, – от плана не отклоняемся. Они не знают ни времени, ни места, ни того, что мы планируем делать. Ты же забрала листовку, когда уезжала?

– А надо было? – Селения сжалась, прикрыв глаза.

Найл и Адам издали протяжные разочарованные стоны.

– Твою квартиру наверняка обыскали. И ты хочешь сказать, что они нашли ее? – Адам выдохнул. – Все доносы проверяют, и теперь у них есть доказательство, что он не был беспочвенным. Ты хоть иногда используешь мозг по назначению?

Селения чувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. То, что Адам не орал на нее, не повышал голоса и был показательно спокоен, делало только хуже.

– Ну все, довольно, – Найл посмотрел на Адама, ободряюще сжал плечо Селении, – мы придумаем, что делать.

– Что делать? – Адам хмыкнул, – весь план из-за этого может пойти по одному месту. А что будет, если они выйдут на нас? Все, над чем мы работали столько лет, под угрозой. И наша свобода – в том числе.

– Значит, нужно начать раньше, – Найл выдавил подобие улыбки, – пока они на нас не вышли. Либо сейчас, либо никогда.

Адам покачал головой, что-то проверил на своем браслете, громко выругался.

– Во всех сводках только и говорят об инакомыслящей. Даже фотография есть. – Он криво улыбнулся, – особо опасная преступница, ты теперь звезда, Селения.

– Люди сами начали приходить к нам, Адам. У нас уже столько последователей, что мест во всех тюрьмах не хватит, чтобы упечь за решетку. А у людей не хватит терпения, что-

бы выбирать каждому сроки.

– Полагаю, они сделают общее коллективное принятие: выбираем, сколько положено сидеть людям из списка. А кого-то из них помилуют, когда они нас сдадут. Вот, чем все закончится, Найл.

– А мы не можем обернуть эту ситуацию в свою пользу? Теперь каждый горожанин знает, что мы вообще существуем.

– Может еще сделаем нашу звезду лицом оппозиции? – Адам усмехнулся.

– Мученицей, ага, – буркнула Селения.

– Возможно, ее история была бы более убедительна для людей, чем голые факты, – Найл нахмурился. – У людей есть такая черта, сострадание называется. А еще – привычка все переносить на себя, ставить себя на место другого человека. Ты же хотел взломать билборды и динамики для общих оповещений? Пустим видео с Селенией, где она расскажет о том, почему оказалась там, где оказалась.

– Слезливая история о том, как она потеряла мать, потому что та не смогла получить своевременное лечение? – Адам изогнул бровь. – А потом пару слов о том, что творится в совете, как наши положения не проходили в общее голосование, хотя положено по закону...

– Я не стану использовать смерть мамы, чтобы разжалобить кого-то, – Селения вспыхнула, – вы со мной посоветоваться не хотели, м?

– Для тебя важнее гордость или возможность сделать так, чтобы больше ни одна мать не умерла из-за врачебного невмешательства? Тебя в любом случае найдут рано или поздно. Но перед этим ты либо станешь символом нового будущего, либо останешься преступницей. Тебе решать, конечно, но, по-моему, выбор очевиден.

Селения прохрустела суставами, чтобы успокоиться. Адам был прав, хоть и играл на ее чувствах. Пусть у нее не вышло помочь матери, но, возможно, у нее выйдет помочь всему миру?

– Надеюсь, сделаешь так, чтобы я нормально смотрелась в кадре?

Алекс выдохнул. С последней написанной строчкой зуд в голове прошел, будто мозг наконец вытошнило. Прекрасное ощущение чистоты, пустоты. Свободное место для продолжения.

Часть 17. Новое начало

Алекс прикончил пятую кружку кофе. Последние несколько дней он почти не спал: мозгу все чаще требовалось освобождаться от скопления чужих слов, образов и мыслей. Он даже почти не думал об Алании, от которой все еще не было ни звонков, ни сообщений. Иногда он злился на себя, что так и не осмелился взять ее номер, но злость отступала, стоило ему сесть за роман. Реальная жизнь отходила на второй план перед его второй жизнью – в Полярисе.

История близилась к завершению. От этого было одновременно и волнительно, и грустно. За все это время герои его книги стали такими родными, такими... живыми. Оставалась последняя сцена, и все закончится. Он перешел к главе с названием «Новое начало», прокрутил полотно написанного текста. Прикрыл глаза, и перед внутренним взором привычно замелькали картинки.

Селения стояла на площади, наблюдая, как на билбордах и главном экране лицо советника сменяется ее лицом. Толпа неодобрительно загудела. Подождать до дня единения было хорошим решением – почти весь город собрался в одном месте.

Голос в записи звучал странно – будто и не ее вовсе. Селения опустила козырек кепки. Адам настоял на том, чтобы она хоть как-то «прикрыла свою физиономию», раз собра-

лась ехать с ними. Сам он напряженно стоял рядом, тыкая на экран браслета.

Она слушала слова, на запись которых ушло много дублей и еще больше – нервов. Когда она начала рассказывать о матери, толпа притихла. Мелькнули яркие листовки: все их люди были задействованы в сегодняшнем, раздавали их горожанам, пока транслировалось сообщение.

«... и этого могло бы не случиться, если бы соблюдалось наше право. Право на то, чтобы выдвигать собственные позиции к общему голосованию...»: разносилось над площадью. Люди возбужденно перешептывались.

«... совету это было невыгодно. Доступ к необходимой помощи получают лишь те, у кого есть заслуги перед обществом. Есть ли они у вас? А у ваших близких? А есть ли у вас средства на то, чтобы обеспечить лечение себе или своим близким, если что-то случится? А может, у вас есть средства, чтобы оплатить получение заслуг советнику Краймсу?»

Люди переглядывались, продолжали шептаться.

– Это правда, можно просто купить себе судебную неприкосновенность и льготы?

– Какой вздор! Как такое возможно?

«... и вы убедитесь в этом, если перейдете на сайт по коду из листовок. Там есть все доказательства, список всех, кто прибегал к этой возможности...»: люди принялись рассматривать листовки, переходить на сайт, отовсюду слышались возмущенные возгласы.

«... вместе мы сможем это изменить. Участвуя в коллективных принятиях решений, я не раз задавалась вопросом: почему это вообще решаем мы? Те, кто не разбирается ни в судебных тонкостях, ни в том, что нужно городу, ни в том, куда следует пустить общий бюджет. Почему это не решают те, кто действительно понимает в этом? Я – простая официантка, откуда мне знать, нужна ли новая объездная дорога?...»

– Я тоже не раз задавался вопросом, зачем мы тратим время на это, – пробурчал кто-то из толпы.

– А разве может быть по-другому? – Донесся голос с другой стороны.

«... Единственный выбор, который нам нужно сделать – выбрать тех, кто решит это за нас. Кто сможет грамотно выстроить управление, распределить бюджет туда, где это действительно нужно. И я уверена, что если мы не будем каждые пару лет ремонтировать и без того отремонтированные здания, средств хватит и на то, чтобы обеспечить бесплатную медицину для всех, кто в ней нуждается...»

– Она предлагает вернуться к тому, что было раньше? – Послышался недоумевающий голос.

– Но ведь раньше и правда было лучше, – ответил кто-то, – я читала об этом.

– Последнее, конечно, было полной импровизацией, но я рад, что решил это оставить, – усмехнулся Адам, и Селения почувствовала его прикосновение к своей ладони.

Когда видео кончилось и экраны погасли, над площадью повисла тишина. Несколько мгновений тягучей, как патока, тишины. А потом Селения услышала звон металлического браслета, падающего на мощенную плиткой площадь. А после воздух наполнился шумом ударов тысяч браслетов о камень – будто начался град в летний день.

Адам сжал ее ладонь. Он улыбался, наблюдая, как люди избавляются от своих оков.

– У нас получилось, – шепнула Селения.

– У тебя, – усмехнулся Адам.

Когда Алекс поставил точку, он будто вынырнул из-под толщи воды: на него обрушился реальный мир. Он неотрывно смотрел на последние строчки. Подумал, дописал еще один абзац, ставший завершением. Это был совсем не тот финал, который приходил ему изначально. Он смог изменить то, что было в ноосфере, смог дать Селении хороший конец ее истории. Он мог это контролировать, и от этого было спокойно.

В его жизни счастливого конца не предвиделось, как, скорее всего, у многих людей в мире. И он мог дать им что-то хорошее, тем, кто все же прочтет историю Селении. Может, он бы мог вдохновить кого-то, дать им надежду? Надежду на собственное новое начало?

Часть 18. Неформат

Месяц редактуры, корректуры, вычитки и переписывания. Алекс терпеть не мог этот этап работы с текстом, но это было необходимо. Но то, чем он не хотел заниматься еще больше – искать издательство. Поэтому он до последнего читал и переписывал, добавлял и убирал, лишь бы оттянуть этот момент. Но он хотел, чтобы эта история все же дошла до читателя.

Первый отклик пришел через месяц – слишком быстро для ответа по самотеку. Он не удивился, прочитав сообщение: «К сожалению, ваша рукопись не подходит. Желаем дальнейших творческих успехов!»

За ним последовали и следующие – похожего содержания. Скорее всего, они даже не открывали рукопись, ограничившись синопсисом. Или просто формировали автоматический отказ, видя, что рукопись – авторства никому неизвестного писака.

Алекс открыл очередное сообщение с заголовком «Рукопись рассмотрена». Грустно усмехнулся. На этот раз они потрудились написать, что его история – неформат. Прекрасно. Это было последнее издательство в списке.

Он полагал, что опустошение придет, когда он закончит писать, но оно пришло много позже – сейчас. Хотя он даже не достиг своей цели. Он прикрыл глаза. Это не должно было

так работать.

Самым тяжелым было то, что в его сознании уже рождался новый замысел. И он не мог его оставить, не мог игнорировать. Не мог не писать. И потому писал. Он уперся головой в сцепленные руки. Писать, но никогда не быть прочитанным – что это, если не проклятье? Он решил, что ему нужно взять перерыв. Возможно, снова взяться за заказы?

Но не сегодня. Он бесцельно бродил по сайтам, читал какие-то научные статьи в надежде, что встретит знакомое имя. Ничего не было. Неужели ни Агатов, ни Алания не опубликовали ни одного результата? Прошло уже много времени, у них определенно было, чем поделиться.

Он не сдержал смешок, все же наткнувшись на знакомое имя. С небольшого баннера в углу сайта улыбалась девушка с волосами цвета розовой сладкой ваты. «Выставка картин Николь Санни. Грани будущего» гласила небольшая подпись. Алекс перешел по рекламе, прочитал адрес и время проведения. Открытие было сегодня. Хоть у кого-то получилось.

Вечером он вошел в здание экспоцентра. Звук голосов множества людей, смесь парфюмов, буйство красок. После долгого время затворничества такое количество людей почти вызывало панику. Алекс прошелся по залу, рассматривая картины. В каждом мазке, в каждой линии читалась сама Ника. Но ее самой нигде не было видно.

Алекс застыл перед картиной с изображением девушки с

мелкими острыми чертами лица, напоминающими птички. Но глаза ее были хищные, будто бы неподходящими ей. На руке – массивный браслет с яркими всполохами, которые переходили в призрачных птиц. Грачи.

– Селения, – выдохнул Алекс.

Он не мог отвести взгляда от девушки из своей головы. Ника тоже видела ее? Это казалось невозможным, но завораживало. У них получилось открыть доступ не только к ее разуму, но и к его? Невозможно.

– Вы сильно похудели, – знакомый голос заставил его вздрогнуть.

Алания стояла рядом – ее едва можно было узнать. Возможно, потому что он привык ее видеть в белом халате? Сейчас на ней было строгое нежно-голубое платье с открытыми плечами, а черты лица изменились из-за макияжа, стали более выраженными, яркими. Или он просто начал забывать, как она выглядит? Теперь они вдвоем рассматривали Селению.

– А вы так и не позвонили, – Алекс усмехнулся.

– А вы ждали?

Глупый вопрос, на который он отвечать не стал.

– Агатов не даст опубликовать результаты, – Алания хмыкнула.

– Но это ведь ваше исследование, – Алекс не заметил, как начал хрустеть суставами, – какого хрена он распоряжается данными?

– Договор, который я подписала при приеме, – Алания нервно рассмеялась, – все результаты, полученные в стенах лаборатории, являются собственностью лаборатории.

– А как же... – он покачал головой, – степень, помощь миру, все, за что вы боролись все это время?

– Агатову не нужна помощь миру. За эти наработки и он, и лаборатория получают неплохие деньги. Естественно, если результаты не будут обнародованы.

– Вы пришли, – Ника налетела на них со спины, обняв.

– Ника, – Алекс улыбнулся, развернувшись к девушке.

На ней было платье в цвет волос, обильно украшенное кружевом. Теперь она вся была похожа на сладкую вату – такая же мягко-воздушная.

– Знаешь, Агатов был прав, – она сияла, – когда все получилось, провели еще несколько сеансов. И в каждом из снов я видела то, что будет на картинах. Это потрясающе! И до сих пор вижу, хотя больше в эксперименте не участвую.

– А это? – Алекс кивнул на картину.

– О, это одна из последних, – Ника гордо улыбнулась, – хороша, правда?

– Знаешь, я тоже ее видел, – Алекс рассмеялся, – это главная героиня моего романа.

– Да ладно! – Ника стукнула его по плечу, – я должна это прочитать. Просто обязана. У меня был лишь образ, но не то, что стоит за ним. Ты ведь закончил? – Алекс кивнул в ответ. – Пришлешь экземпляр книги, когда выйдет из печати?

– Она не выйдет, – он усмехнулся, – это неформат. Никто не взялся за эту историю.

– Знаешь, мне сказали то же самое, когда я решила организовать первую выставку. – Она слегка поморщилась. – Я выставила картины в сети, надеясь, что найдется покупатель. На них наткнулся сам Паркер Тарт, представляешь?

– Я понятия не имею, кто это, – Алекс улыбнулся.

– Известный ценитель искусства и меценат. – Ника пожал плечами. – Он связался со мной и предложил сотрудничество, сказав, что работы гениальны. Так что, – девушка усмехнулась, – что для одного неформат, то для другого – гениальность и выход за рамки. Так что, пришлешь хотя бы рукопись? Жуть как интересно.

– Да, – он протянул ей телефон, – запиши свой адрес электронной почты, я пришлю вечером.

Ника быстро набрала, перепроверила, протянула телефон обратно. Ее кто-то окликнул, и она, извинившись, оставила их с Аланией наедине.

– Героиня романа, значит? – Алания улыбнулась, впервые за весь их разговор. – Любопытно.

– Что вы планируете делать?

– С Агатовым? Ничего. Мне предложили внушительную сумму в обмен на отказ от притязаний, так что...

– И вы согласитесь? – Алекс тихо рассмеялся.

– А есть еще варианты?

– Опубликуйте результаты. Их нельзя будет продать, если

они будут обнародованы, так?

– Меня привлекут к ответственности, если я это сделаю.

Мне не нужны проблемы, Алекс.

– Запрещено ведь публиковать лишь те данные, которые вы получили в лаборатории? А что, если кое-что я вам не рассказывал?

Часть 19. На «ТЫ»

Алания пришла в бешенство, когда Алекс рассказал ей, что доступ открывался ему и во время бодрствования. Она мерила шагами комнату, бросала недовольные взгляды и, протяжно вздыхая, отворачивалась от него.

– Не злитесь, Алания, – Алекс хмурился, наблюдая за ее метаниями.

– Вы же... – она остановилась, тяжело дыша, – сознательно препятствовали получению результатов. Я думала, что тогда в лаборатории, когда сказали, что задумались, вы просто начали засыпать! Проклятье, Алекс!

– А вы думали, что я мог написать роман благодаря тем нескольким дням в лаборатории? Конечно, исследование помогло в какой-то мере настроить мозг на эту вашу нужную частоту, но потом оно стабильно выходило само. Уверен, у Ники что-то похожее. Вы поддерживали с ней связь?

– Ну, она меня пригласила на выставку, но я думала...

– Агатов может знать об этом? О том, что исследование уже перешло на следующий этап, когда доступ открывается не только во сне?

– Нет, – Алания нахмурилась, – думаю, что нет. Да и мне Ника ничего об этом не говорила. А Агатов вообще не поддерживает связь с испытуемыми.

«Да и вы не со всеми»: Алекс усмехнулся, но оставил эту

мысль при себе.

– Тогда вы можете организовать самостоятельное исследование. У вас есть знакомые, которые могли бы оформить допуск в другую лабораторию? Не знаю, как это у вас делается... в общем, чтобы без Агатова.

– Да, – неуверенно пробормотала девушка, – я могу обратиться к руководству университета. Думаю, они не откажут.

– Полагаю, у вас уже есть, что опубликовать. Сколько Агатов готов ждать?

– Он дал мне месяц, – Алания что-то печатала в телефоне, – хотя думаю, что моя подпись – лишь формальность. Он все равно сделает так, как запланировал.

– Но мы сделаем все, чтобы подпортить ему жизнь, – Алекс улыбнулся.

Алания резко приблизилась и обняла его, едва не повалив вместе со стулом, на котором он сидел.

– Может, уже перейдем на «ты»? – Алекс усмехнулся, похлопав ее по спине.

Часть 20. Налаживается

Алекс заканчивал правки над новой историей – рассказом, который планировал опубликовать где-нибудь в сети. Ему не хотелось наращивать его до объемов романа, все-таки тот в принципе родился лишь ради науки. Алания регистрировала показатели, пока он его писал. Писать в лаборатории – незабываемый опыт.

Стук в дверь отвлек его от работы. Сегодня она пришла раньше обычного, стояла, широко улыбаясь.

– Агатов был в бешенстве! – Алания продемонстрировала Алексу сборник научных трудов конференции, – ты бы видел его лицо.

– Что, даже не улыбался? – Алекс усмехнулся, пропуская девушку в квартиру.

– Напротив, все время улыбался, – она рассмеялась, – нервная улыбка, будто лицо свело. Он меня уволил.

– Мне жаль...

– Не стоит, я не собиралась там оставаться. Меня позвали в университет. Там и защититься будет проще.

– Это прекрасно, – он улыбнулся. – Чай будешь?

– Не откажусь.

Алекс поставил чайник, кинул в кружки по пакетик у заварки. Добавил себе три ложки сахара.

– На конференции было очень много вопросов, все так

заинтересовались, – она села за стол. – Некоторые подходили после, хотели поучаствовать в эксперименте. Кажется, все действительно получилось.

– Ты войдешь в историю, – он улыбнулся, наливая воду в кружки.

Телефон завибрировал в кармане домашних штанов, и Алекс вздрогнул, едва не пролив кипяток на себя. Тихо выругался, достал телефон.

– Это Ника, – он улыбнулся, принимая входящий.

– Алекс, Алекс, Алекс... – раздалось суетливое щебетание на том конце провода, – помнишь, я у тебя спрашивала, можно ли отправить другу почитать? Ну, в общем, ему понравилось, и он дал почитать еще одному, а тот... короче, как ты смотришь на сотрудничество с литературным агентом?

– А?

– Он готов помочь с изданием, Алекс, – по ее голосу было слышно, что она едва сдерживается, чтобы не закричать.

– Что там? – Алания посмотрела на него поверх чашки.

– Кажется, у меня тоже все налаживается, – улыбнулся Алекс.

Часть 21. В жизни тоже бывают...

Селения сдула упавшую на лицо прядь и перевернула блинчик. Теперь они выходили у нее даже сносно. Фоном шел телевизор: президент говорил о том, какие решения были недавно приняты, что сделано, а над чем правительство еще работает. Она повела плечами. Новый – хорошо забытый старый – строй общества был намного комфортнее для жизни.

– Не воруй, – она стукнула Адама по руке, когда тот пытался оторвать кусочек от блинчика на тарелке.

– Да как ты все замечаешь? – Насупился он, а потом, улыбнувшись, поцеловал ее в висок. Одним блинчиком на тарелке стало меньше.

– Обманные маневры, значит? – Она рассмеялась, снимая новый блин со сковороды. – Как там Найл? Не звонил?

– Звонил, – он прервался на жевание, – в общественной клинике работы невпроворот. Это раньше он мог прохладиться, а теперь в коридорах очереди собираются. Обещал заехать на выходных.

– Хорошо, – кивнула она, – к его приезду тоже что-нибудь приготовлю. Съедобное, а не как обычно, – девушка усмехнулась. – Мне звонила Лили, кстати. Опять.

– А ты?

– А я не ответила, – Сель улыбнулась, – опять. Но я знаю,

что у нее все в порядке. Если бы было иначе, я бы...

– Все еще переживаешь, – Адам обнял Селению со спины, – может, простишь ее?

– Может быть. Но не сейчас уж точно. – Она покосилась на него, понизила голос, заметив, что он тянется рукой к тарелке, – хорошо подумай, он только со сковороды.

– Злая ты.

– За то и любишь, – она усмехнулась, когда он уткнулся носом в ее шею.

«Селения продолжала готовить, вспоминая о том, как пришла к этому моменту. Если бы ей кто-то сказал, что она, простая официантка, сможет изменить мир, вероятно, она бы рассмеялась. Даже сейчас она не чувствовала себя героем, которым ее считали люди. Но она определенно чувствовала себя счастливой: ей снова было, кому готовить блинчики»: Алания закончила читать, усмехнувшись на последнем предложении.

– Знаешь, все-таки с эпилогом история выглядит куда лучше, твой агент был прав, – она улыбнулась, переложила кота с коленей на кровать и протянула книгу Алексу.

Алекс хмыкнул, взял книгу, задержав взгляд на обложке. На ней была картина Ники, та самая, которую он так долго разглядывал на выставке.

– Я так и не поняла, почему Грач. Это же Адам, да?

– Да, – Алекс кивнул, – в первую очередь из-за его образа, темного и немного мрачного, к тому же грачи – довольно

умные птицы.

– Тогда почему, например, не ворон?

– А это уже небольшая отсылка к его характеру. Грачам нужна колония. Они часто живут по соседству с галками, а иногда – с серыми воронами. И, несмотря на то, что они разные, живут как одна семья, предупреждают друг друга об опасности. Примерно так же поступает и Адам.

– Это... – Алания задумалась, – глубоко, но вообще не очевидно. – Она рассмеялась и оставила на его губах легкий поцелуй.

– Ну, может, читатель найдет в этом какой-то иной смысл.

Алекс улыбнулся и поставил книгу на полку – первую, но, как он надеялся, далеко не последнюю в коллекции с его именем на обложке. Стоя в спальне и прижимая к себе Аланию, он улыбнулся пришедшей в голову мысли: «Даже в жизни бывают счастливые финалы».

Часть 22. Эпилог

Воздух был наполнен запахом парфюма – въедливого, заполняющего все пространство. Мужчина лежал на кровати, а аппаратура выводила на монитор линии электрической мозговой активности.

– Дмитрий, вы уверены, что это сработает? – Мужчина напряженно вглядывался в лицо доктора, которое едва можно было рассмотреть в полумраке.

– Всегда срабатывает, – собеседник улыбнулся, – вы далеко не первый, кто приходит сюда за этим. Расслабьтесь, сенатор.

И сенатор расслабился, почти сразу провалившись в сон. Доктор отстроил стимуляцию, чтобы обеспечить ему доступ к ноосфере. Если б не эта девчонка, он мог бы заработать много денег на этом исследовании, правительство предлагало крупную сумму за то, чтобы результаты не покинули пределов страны. А теперь что? Теперь его работа стала достоянием общественности, теперь во всем мире можно было повторить то, что должно было остаться здесь. Он даже опубликовал пару работ, надеясь, что получит хороший отклик, но получил лишь ряд вопросов о том, почему в соавторах нет доктора Алании Форакс. Он постоянно злился. Нужно было оформить патент, нужно было...

– Дмитрий, – сенатор тихо позвал его, – мне кажется, по-

лучилось.

– Зовите меня доктор Агатов, пожалуйста, – он раздраженно улыбнулся. Агатов терпеть не мог, когда его называют по имени.

– Доктор Агатов, я видел будущее, – сенатор сел и возбужденно шептал, округлив глаза, – кажется, я знаю, как добиться абсолютной демократии, поощрять пользу обществу. Каждый человек стремился бы быть полезным! Это стало бы прорывом, я мог бы изменить мир, предложи я...

Он продолжал бормотать, а Агатов – выходить из себя. Из его груди вырвался рык, и помещение лаборатории наполнилось звоном летящих на пол приборов. Проклятье! Сколько эти двое будут портить ему жизнь, напоминая о себе?

Алекс усмехнулся, дописав последнюю строчку рассказа, над которым работал во время исследования Алании. Писать о собственной жизни было странно, но нужные слова приходили ему из ноосферы, так же, как и с романом. Сегодняшний разговор об эпилоге подкинул ему идею, как закончить рассказ, и эта идея – замкнуть сюжет —показалась ему забавной. Он надеялся только на то, что последняя сцена все же была его вымыслом, а не результатом соединения с ноосферой. Можно ли предсказать будущее, если пишешь о своей жизни?

Алекс даже прочел договор, который подписал много месяцев назад: пункт о неразглашении действовал до тех пор, пока результаты не будут обнародованы. То, что Агатов

решил опубликовать результаты, сыграло на руку. Теперь Алекс мог рассказать эту историю миру. Ну или хотя бы паре десятков читателей, что случайно наткнутся на нее.

Он сохранил изменения. Интересно, как отреагирует Агатов, наткнувшись в сети на рассказ, где он является главным антагонистом? Алекс вбил в графе с названием простое слово, которое наверняка привлекло бы внимание доктора: «Ноосфера».

Отвечая на ваш вопрос, доктор: «Будем портить, пока она не закончится».